

Сибиротулка
всесоюз.
И. И. Ленин

СМЕНА

XX $\frac{101}{1}$



№ 26-27

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

20
КОП

ПРОЩАЙ, БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ!!

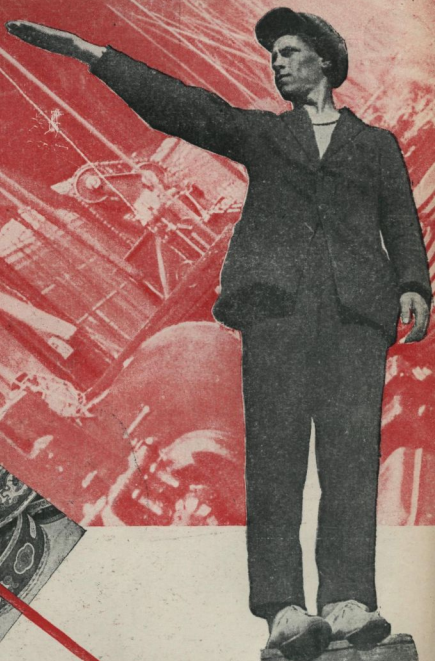
...Пусть же нынче вредительский стан
содрогнется!

Клична эта сегодня на них обернется!

Беспощадным ответом на их „заготовки“

Будет краткая речь пролетарской винтовки.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ



Коллегия ОГПУ, рассмотрев по поручению Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и СНК СССР дело о контрреволюционной вредительской организации в области снабжения населения продуктами питания... **ПОСТАНОВИЛА:** активных участников вредительской организации и непрерывных врагов советской власти — **РАСТРЕЛЯТЬ.** Приговор приведен в исполнение.

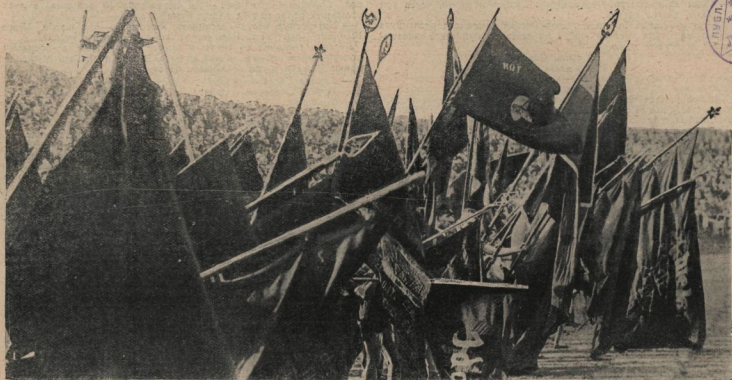
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

№ 26—27 СЕНТЯБРЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. «Молодая Гвардия»

Ответственный редактор С. Камрад. Заведующий редакцией Я. Юдицкий.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд-во «Молодая Гвардия»,
редакция журнала «Смена». Телефон 2-35-26.



ВЫШЕ ЗНАМЯ ЛЕНИНА!

Несколько дней тому назад Страна Советов, руководимая большевиками, закончила 3-й год пятилетки. Почти одновременно Ленинский комсомол празднует десятилетие со дня исторического выступления Владимира Ильича на III съезде РКСМ.

Без преувеличения можно сказать, что ударное движение, под знаменом которого шагает сегодня к коммунизму миллионные массы пролетариев и трудящихся, родилось из речи Ильича на III съезде. Она вдохновила первые отряды молодых ударников, выступивших на фронт социалистического строительства, в ней почерпнул свои силы для социалистического соревнования, быстро превратившегося из общесоюзного в общерабочее.

И сегодня, когда вместе со всем рабочим классом, ведомые вперед партией Ленина, мы поднимаем на новые и новые ступени развития, мысль опять возвращается к речи Ильича. Слово неисклемый родник, струи которого ни на минуту не перестают бить из-под воды, речь эта дает нам бесконечное количество новых указаний, советов, директив, как строить социализм.

Мы вступаем в 3-й год героической пятилетки, выполненной в четыре года. Нужно понять значение этого года в великой цепи лет, современниками которых мы являемся.

Грандиозность его программ даже врагов повергает в трепет и изумление. Как и в начале пятилетки, они склонны снова объявить нас фантазерами и сумасшедшими. Но мы прекрасно знаем, что нет в мире крепости, которая не пала бы под ударами объединенной пролетарской армии, руководимой большевиками и непобедимой, всевластием своей классовой сознательности и целеустремленности. Нет ни тени сомнения в

том, что 3-й год пятилетки станет свидетелем великих и прекрасных побед и еще шире распахнет перед нами двери в социализм. Поручай тому—знания ленинзма, решеюче над нашими колоннами.

Поручай тому служит также то обстоятельство, что принципы коммунистической морали и нравственности, обоснованные Ильичем в его речи на III съезде, проникают в самую глубину трудящихся масс, становятся источниками таких дополнительных средств и ресурсов, которые обеспечивают выполнение самых трудных задач.

Надо добиться, чтобы эти принципы стали нормой поведения каждого молодого пролетария и колхозника, каждого комсомольца и комсомолки. Надо добиться, чтобы коммунистическая нравственность определяла каждый их шаг, каждое бинение их сердца.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность?—ставил вопрос Ленин перед комсомольским съездом. И тут же ответил конечно да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подманять, поиграть, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из великой бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что и бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорили духовенство, говорили помещики, говорили буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы.

«Всюкую такую нравственность мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забывание умов рабочих и

крестьян в интересах помещиков и капиталистов. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата».

Бесконечно свежо и пропитано сегодняшним содержанием это указание Ильича. Та борьба, которую мы ведем сегодня в своих рядах с людьми, не понимающими великих задач социалистического строительства, или с людьми, расклинающимися за эти задачи, но практически предающими их, есть борьба за коммунистическую нравственность и коммунистическую мораль.

Мы осуждаем, как коммунистически безнравственных и классово антиморальных всех, кто на пороге решающего года пятилетки не стоит на своем посту, кто в погоне за длинным рублем летает с завода на завод, кто видит нашу действительность сквозь оппортунистические очки и пасует перед отдельными трудностями.

То движение общественного бойкота, которое развертывается вокруг прогульчиков и дезертиров социалистической стройки, та мобилизация чувств, которая заставляет жен и детей подносить рогатки знамена своим мужьям и братьям, недоволюющим промфинплан, разве не свидетельствуют о том, что ленинские принципы коммунистической морали играют колоссальную роль в строительстве социализма? Оглядываясь массами, они творят чудеса, дают жизнь темпам, невиданным и невозможным при капитализме, вращают маховики грандиозной стройки. И чем гуще пропитаны они в сознание масс, тем больше будут сокращаться сроки, намеченные нами для построения социализма.

Задача молодых ленинцев стать образцами коммунистической морали, вовлечь в свои ряды и воспитать в этом духе все молодое поколение рабочего класса.

НА ЛЕТ

Рассказ М. Платошкина¹

Сенька Хотьков шел злой: сорвали лишнюю вылазку, добытые пьески пропали зря.

— Что у вас? — спросил в контрольной одноклассник Михеня.

— Пошли да посмотрим! — организовал Сенька и разом, через три ступеньки, влетел в зал.

Уже снизу слышался гуд и пение. Ячейка комсомольца распахла на настоль, и оттуда хлестко сыпала на лестницу буйный, подхватываемый десятками припев —

Эх, сын, Семеновна!

Юбка клеит, Семеновна!

У тебя-ль, Семеновна,

Подсыпай, Семеновна.

Хотьков увидел человека: 30 летних ребят. Поднимающийся припев заглушил мысль о алякной вылазке. Невольно подумал: «Хлестко поют, гады».

Протиснулся в ячейку. На глаза попался секретарь Сахаров Федка, в длинновисоких ботинках и галстуке. Сенька видел секретаря только в цеху, вечно чумазого, пропавшего гарью и м. модные ботинки с галстуком его расстелил. С удовольствием определил: «Ну и тепа».

Вчера Сенька наоборот отказался быть на собрании, а теперь, увидев необычно оживленные лица ребят, сразу примирился и повеселел.

— Здорово, бражка! — закричал он, втираясь в группу литейщиков. — О чем собрание?

— А чего его тебе? Эх, сын, Семеновна!

— Не все ли равно?

— И правда, один литей, — моментально согласился Сенька.

Подознал к пещам. Заневап Чернов. Он стоял на табуретке и когда доходил до припева, то взмахивал обими жматями в кулаки руками и припопывал ногой.

Эх, сын, Семеновна!

Черные волосы его подсекаливали, он весь сплошь бабелст и чуть ли не перебрал в лас, сляк, зависшем алякная ребят.

Чернова Сенька знал мало, юю, каждый раз встречаясь с ним, он онщадл в себе какой-то поддеп.

На первом же припеве неожиданно для себя он втиснулся в общий хор, заблба и про аляк, и про пещы, чувствуя себя поднимаящими и необычайно сильными в обихе коллективе.

Ребята подхвдкли.

Ячейку наполнили, вываливались в парткомитет, в зал совещаний и там уже что-то, закрытый кругом, бурно и безалаберно брещал на рожки. Кто-то обходил по очереди все комнаты и спрашивал: «Что будет?» Но об этом никто не знал. Знали только, что каждому вчера в обязательном порядке приказывали быть в ячейке.

К 8 в часам утра собралось человек восемьдесят. Осыпка Чернов сомно захлопал в табуретки.

— Товарищи! Вали в зал заседания! — и первый спрыгнул в табурета.

Все, не распранивав, поперли в зал. По лестнице, по ячейке, по залу поблбали суматошные крики.

— Копяч базар!

— На собрание!

На сцене зала повинулся Володиха Булавин и Чернов.

— Товарищи!

Гремя стульями, ребята теснились ближе к сцене. Никто ничего не знал, но все чувствовали что-то необычное, не похожее на обыкновенное собрание.

— Товарищи! — Чернов посервисил, голос у него звучный и сильный, глхитит суматоху. — Товарищи! Наш завод второй год срывает программу. Первый квартал этого года мы недовыполнили на 20%. Парткомитет и собрание рабочих твердо, по-большинству постановили — закрыть ликвидировать. Комсомольская ячейка тоже заявила — динамомы не должны быть на черной доске.

Веселое настроение спдадо. 80 человек комсомольцев притихли. Насторожились сотнями газа на сцену. На секретаря. Чернов словно вырост, подпился над сценой.

— Читали боевой приказ комсомолу? Все комсомольскую организацию завода мы объявили мобилизованной в поход на борьбу с потерями. Сегодня мы собрались по приказу «легкой кавалерии».

Штаб кавалерии реиня провести налет на завод. Наш налет — подготовка к двухнедельному по борьбе с потерями. Мы должны по боевому провети налет. Каждую мелочь бери на прище — не давай пропадать ни одной гайке. Комсомо вместе с партией, вместе с рабочими должен бороться за выполнение промпланила, за ликвидацию провала. И мы будем бороться.

Чернов говорил с таким подъемом, с такой заражающей молодой силой, что никто не заметил, сколько он занял времени. Все дадали собранию, и весть о налете отгуливая радостью и новизной. Слова посетителя зала, Непереловое движение поблбало по залу.

Вслед за Черновым вышел Булавин. Он говорил ясно, коротко, спокойно и четко.

— Цель налета — обследовать завод. Все разбиваются на 10 групп. Каждая группа — в отдельный цех. В каждой группе — 2 рабочих этого цеха. Все недостатки — записывать. Сводки — в штаб. Штаб помещается в парткомитете. Связь — телефон. Для нас работае.

Многие изумленно вскрикнули. Булавин, не обрываясь, так же спокойно и четко продолжал:

— Штаб намечает вожаков групп — кавалеристов. Глаз — токарная, Сорочки — литейная. — Он перечислил 10 вожаков, а всех остальных ребят разбил между ними.

— Интересные места — заснять. Фотограф — при штабе. Через 10 минут — выступать. Вожакм групп — с бубряте в ячейке.

Булавин соскочил со сцены и вместе с Черновым, по-военному подтянувший и строгий, пошел из зала. В зале подлбало движение крики. Вожакм групп аскакивали на ступья.

— Группа Глаза — хо мле!

— Группа Сидорова — судя!

— Токярная.

— Бест?

— Инструментальщик!

Через две минуты по всему залу собрались отдельные группы.

Стоял шум, боевая возня, веселый галдеж. Десть вожакм отпустил оставших ребят разбил между ними.

Через пять минут в зале заседания повлбала пустанная тишина.

Штаб собрался в парткомитете, во главе штаба Булавин, Чернов и Бойков Алексей.

Сенька Хотьков попал в группу токарного цеха. Посмеиваясь, перекидываясь шутками, группа вошла в пустынный корпус завода. В строгом молчании застали станки. Прошли в конец цеха. Посветовались, как ходить — вместе или порознь. Решили — вместе. Справа ничего не выходило. Прошлись по одному проходу, повернули назад по другому. Все как-будто в порядке. Каждый день и цеху, приехали — ничто газка не колет. Сенька Хотьков даже позавидовал:

— Если бы в литейную такую чистоту да порлордек — «машина»!

С доски были прибили на доске объявлений плакаты:

«Не будь потерей — борись с потерей».

Сенька Хотьков отлепел, посмотрел на плакат нагляд, вздохнул.

— Где же они потери? Лампы, ребята, горят... потери или нет?

Женька Глаз авторитетно подтвердил:

— Факт потерл Энергия горит? Горит! А зачем?

— А факт, так записывай, Егоров. Горит... раз, два... три. Пини,

Егоров: десть ламп горят.

Егоров разложил на станок тетрадь, под первым номером записал: «без толку горит десть ламп».

— По сколько свечей, триста или пятьсот?

— Записывай, там знаешь. Поехали дальше. Чей станок? Грязный,

по-моему, я бы лучше почистил.

— Не грязный, все так чисто, — задорно проговорил синеглазый

Егоров и тетрадь, будто невзначай, сманхнул оставшиися на станках стружки.

— Твой, братишка, станочек? — строго и ехидно спросил Хотьков,



¹ Отрывок из повести, выходящей в изд-ве «Молодая Гвардия».

— Может быть, и мой.
— Ты говори прямо. Налетчик Граниш, ребята, станок? — обрывается Хотьков к остальным, требуя подтверждения.

— Ребята подтвердите.
— Значит, записаны: токарный станок № 1564 плохо вымочен Рабочий Егоров.

Егоров нехотя записал.
После замочек и станка зорче стали у ребят глаза. Тут же на толкнулись на кучу хлама.

У большого фрезерного станка навалена гора обрезков, поломанные шестерни, чугунные наварные резцы, латунные шайбы и подшипники. Все это удобрено стружкой, маслом и грязью из труб-ки. Сенька Хотьков от такого богатства даже заталок почесал:
— Вот это да... Если к нам в айтевую, поачеи загрузить можно.

— Писать? — услужливо предложил Егоров.
— Он где-то достал чистую доску с веревкой и привалил ее на груди, как мессербриновский лоток.
— Факт, пиши.

— А как?
— Как? — Хотьков обвелся грудой кругом, подняв ржавую шестерню и важно начал ее рассматривать. — Чорт ее знает как... Вот она, годуба, девятый год заныт валетится.

— Крош писает мастера, — посоветовал длинноногий Сапка Галдин из транспортного отдела. — Мастер должен за делом смотреть.

— А что, ребята, аппарат-то свой, а? Засинем, мое почтеннее! — Фомыч, — засмеялся Хотьков, — и про него и забыл. Дуй, Глаз, в штаб.

— Да телефон же есть.
— Фомыч... Лафа, ребята! Ага! — Всей оравой пошла в контору. Хотьков взял трубку. Важно закричал.

— Дайте штаб... Штаб? Говорит токарная. Требуется заснять неу- нужный хлам. Вышлите срочно фотографа... Чорт Ушач... Ну аудио, жать будем.

— Все опять подохло кучею. Значисл Галдин, оставшийся в другом проезде, вдруг заорал:
— Эй, даешь сюда!

Подходя, Галдин стоял перед новеньким запечатленным станочком. На станине едва проглядывала из-за пыли метка заграничной фирмы. Все разглядывал станок и не понимал, в чем дело. Все как будто было в порядке, кроме осевшей на всех частях пыли.
— А тут чего? Пыль? Пиши, Егоровч! Новый станок находится в пыли.

— Да не пыль, — перебил Галдин, — смотри, новый станок, а это что? — Он провела пальцем по станине. На пальце густо осела пыль и грязь. — Значит, новый станок без работы стоит.

— Те-а! — Добра, братишка... Кто из токарной? Работает станок, Егоров?

— А чорт... как-будто. Не знаю правды.
— Галз!
— Давай тоже не знал наверняка, но Галдин опнулся у станка все части и доказал, что станок неделю 2 уже не чищен, а, значит, и не работает.

— Довко, — удивился Хотьков, не то на Галдина, не то на бездействующий станок. — Опять бы фотографа. А знаете, ребята, давай на него плакат наклеим?

У Глаза в руках было несколько бумажных плакатов, но ни один из них не подходил к станку. Галдин вылезал сбегасть в штаб, но Глаз сказал, что и в штабе нет таких плакатов.

— Нет, так сами напишем... А довка, ребята, будет, а? Записи, Егоров... Хотьков прищурился. Лицо наврежнено жалось. — Пиши... Станок... заграничный станок... потеря государства... он доследило сплюхнул. — А чорт, кто умеет? Надо, чтобы хасясто было.

Галдин предложил:
— Давай предложили: «Зачем я здесь стою?» Вот и все.

— Ну, это... это то же, — недовадно отмахнулся Хотьков. — Нужно, чтобы за живое задело.
А Галдин почему-то поправилась своя надпись. Ретиво запротестовал.

— Брось, ребята! Самая что ни на есть... Во, галди. Вот идет, например, мастер по цеху, — он изобразил важно шагающего человека. — Глядь, кто здесь? — Галдин изумленно повернулся к станку: «Зачем я здесь стою?» Во! Станку!

Убедав ли Галдин представлении или чем, но ребята надпись теперь поправлялись.
— Зовни, Глаз, в штаб — разрешат или нет? — скомандовал Хотьков.

Глаз долго разговаривал по телефону и, когда вернулся, объявил:
— Сейчас штаб придет. Не понимаю.

— Ага! — довольно ухмыльнулся Хотьков, чувствуя гордость за то, что штабу пришлось прибавить к ним.

Отстоял к соседнему станку. Повернул ручку суппорта. Лишняя бабка. В пазах станины засохло масло, грязь и стружка. На станине являл следы плохо отчищенной ржавчины. Подозвал Галдина.
— Надо и сюда плакат. Ваи — смозуй!

Галдин задался.
— Надо лучше чистить!

— Плохо, — поморщился Хотьков. — Давай следующий.
«Ржавщина портит станок».

— Сам небось знает...

— А если так: «Бези меня почистить, я буду работать не худее. Придумай не успели, из штаба явился Бойков Алешка. Глаз как вояка группы стал объяснять ему, в чем дело. Хотьков добовал:

— Дело без прогнрши. Сразу за живое. Можно и на другие станки, только попожор станку. Заораво подаетустает на рабочих.

Галдин под смех ребят снова представил сенку с мастером. Бойков, особенно после представления, смутно почувствовал, что ребята придумали богатую шутку. Разрешил написать плакат и, обрадованный, побылся в штаб.

В штабе сделали срочное совещание. Бойков коротко объявил, в чем дело.

— Надо, товарищи, уцепиться. Прямо премировать за это изобретение. Можно на каждый станок лепить, чуть что так — есть. Своего рода зазорор станок. Заораво подаетустает на рабочих.

— А и верно, фасон! — распылся Булавин в широкой улыбки. — Надо вместе группой сообщить Согласно!

Никто не возражал. Решив в штаб вернуть человека 3 ребят, кто хорошо владеет, и здесь, готовил плакаты по заказам цехов. В цехах не в каждой группе есть краски и бумага.

Бойков бросился по цехам. Заораво полная радость охватила его. Угнвал во дворе каюку-то группу и не удержался, закричал на всю глотку:
— Э-геи! Налетчик!

Примо со двора вбежал в токарную. Ребята уже успели изготовить плакат и навесили на его заднюю бабку станка. Написали черными мелом буквы и плохо, но плакат сразу обрадовал на станок внимание. Все десять человек стояли вокруг него и в немом удивлении любовались на свою выдумку. Внизу четко стояла надпись: «Зачем я здесь стою?»

— Здораво, налетчик! — гаркнул Бойков, снова не удержавшись от выкрика. — Получай приказ от штаба. Штаб постановил: ваше предложение распространить по всем группам — плакаты лепить везде, где это будет иметь действие. Плакаты будет писать штаб. Текст плакатов передавайте по телефону. Выделите одного для связи.

— О-го-го, чорт вас дер! — восторженно жарил Хотьков. — Вот что значит миф-то! Голова у тебя, Васи, на-ить, — подмигнул он Галдину и несся к Бойкову.

— Есть, товарищ командир! Бригада, поехали дальше... Бойков пошел в айтевую. Впервые и за ребят и за себя и за всю яичку было почему-то крепко радостно, и от одной радости его так и пожелало прыгнуть бегом.

Руководителем бригады в айтевой была Лиза Сахар. Бойков подошел, когда ребята обследовали стержневую. Знакомый селесарь Петья Глушков залез на рабочие верстки и, хлопая в ладоши, повелительно кричал:
— Эй! даешь сюда... Занес в протокол — не в порядке рабочее место. Давай скорей!

Лиза с основной группой бригады стояла рядом, а Сахаров, секретарь яички, объяснял ей, показывая валившиеся на верстке задирище части стержней.

— Вишь. Готов стержень... Сдавать можно, а где порядок? Один конец на верстке, а другой на земле... Гляди навалею. А член бюро, ховерь, партийный! Ударная бригада. Кто ногой наступил и... ваших нет.

У Сахарова правая щека не то в саже, не то в земле. Желтые блатки измазаны. Одна штанина подчурена, а другая не то распустилась, не то он сам забыл ее подпернуть. Лиза спешно записывала, прихватив тетрадь и чей-то спиче.

Бойкова встретили шумно. Лиза закричалась, начала было рассказывать, какие они наши беспорядки, но ее перебил Петья Глушков, и она уже не вмешивалась.

Бойков рассказал об изобретении токарной бригады, о решении штаба и разъяснил, как пользоваться плакатами.

— Вот, например, на ваши стержни можно такой плакат: «Бригада ударная, а работа не ударная». Здораво подаетустает, верно? Угу, черт! удивленно замаял Глушков. — Побегу званить, «Бригада ударная, а работа не ударная». На Геру огнинулся, доследило крикнул: — Чего вы раньше-то не сказали?

Бойков вместе со всеми прошепел наверх, где заклидывали в вагранку шпуть. В маленьком полутемном помещении лежала извесь, каша, чуток, уголь. В углу висел плакат:

Не забрасывайте шпуть сыркой!

Над шпутью проходила водопроводная труба. Осмотрели. Беспорядков особых не было.

— Плакат, ребята, заказал! — закричал Глушков Петья, и на лестнице показавшее его сияющее измазанное лицо. — Ну, как здесь? — Он склад на уголь, на извесь, взяв кусок извеси, повохал и бросил.

— Все в порядке!
Нечаянно прорел по трубе рукой, отдернул и, радучис, словно изловил, вскрикнул:
— Вога!

— Где вода?

— Все полезли на шпуть и попробовали трубу. Из трубы по капле пришла из уголь, на извесь, ссылая оттаившую воду.

— Номерок, почти торжествует, протянул Глушков. — За какими же чортом этот плакат висит?

Коллективно придумали добывать сюда другой:

Зачем висит этот плакат?

Бойков во все века разносит постановление штаба. Ведре ребята его встречали весело, и по настроению видел Бойков, как ребята целком ушли на работу. В обмоточной Петров даже признался: «Хорошо бы больше беспорядков было — веселее». Некоторые комсомольцы увлеклись по-мальчишески новизной дела, но у большинства заметен был серьезный, хозяйский подход к навету.

В штабе шла горячая работа. Из цехов той-деко звонили ребята. Требовали фотографа, советовали с том, какой написать плакат. Горюпины с писанью. У телефона сидел Булавин и по-военному спокойно и без улыбки отвечал:

— Штаб слушаю.

Тут же на столах трое чертежников комсомольски писали плакаты.

За плакатами прибегали возбужденные сыновья. Писарю рассказывали о работе на забойном участке. Больше всех заказывала токарная мастерская. Прибегал за ними Галдин, а под конец появился и сам Хотьков. Выслушал он без пальто, с засученными, по локоть измазанными руками, с испепеленным лицом.

— Здорово, командиры! Выполнил заказ!

— Здорово, кавалериста! — весело отозвался Чернов. Отобрал пару еще не просохших плакатов. — Как дела?

— Дела идут, а штабы пишут, — подмигнул Хотьков, срывая в работу плакаты. — Вот что. В токарной все stanno вывешены плакаты. Бригада требует у штаба разрешить вывешить один показательный станок. Можно?

— Тряпки и масло есть?

— Размыслил.

— Тогда сыпь.

— Значит, можно?.. Ну, уж мы и раздаем станочек. Готовите на него плакат.

— Ну.

— Пилин авансом: «Вот ты каким должен быть!».

Чернов пересерился и записал:

— Молодцы ребята!

— Есть?

— Есть!

Штаб работал. Звонил телефон. Прибегали сыновья. Тройка едва успевала писать плакаты. Писали крупно, красиво, ярко, и у каждого плакатка внизу гордо висела подпись: «Летчик кавалерист». В 2 часа из цехов вернулись первая бригада налетчиков — бригада токарной. Принесли голышею, но веселые, возбужденные бетонья и невнятной, интересной работой. Хотьков вместо тройки шал Булавину испанскую тетрадь.

— Первые?

— Первые. Теперь свободны.

— Можно домой?

— Можно.

Но уходить никому не хотелось. Окружили штабистов и с гордостью наперобой рассказывали о вывешенном станке, о рассыпанных стружках, о свалках под станками. Говорили о всякой мелочи, на которую еще вчера не обратили бы внимания, а теперь она в глазах ребят приобрела особое, большое значение.

Егоров разохотился и предложил сделать налет на авиамом. Ребята согласились. Булавин достал ключи в контрольной, и бригада шумно выскочила из цехов.

Как тебе нравится? — улыбнулся Чернов, кивком головы обращая внимание Алексея на бригаду.

— Растем, Оська!

— Хотьков славный парень.

— Хотьков — герой. А ведь исконный из комсомольцев хотели.

Вернулись еще две бригады. Сборочная и обмоточная. В партерке сразу стало тепло и шумно. Захлопотали табачный дым. Смет. Ковтуны. А когда почти следом выкатились литейщики, стало жарко от тенюты и криков. Было такое настроение, точно ребята из разных воинских частей сошлись вместе после долгого удачного похода.

От двери что-то громко, точно нарочно старался, кричал:

— Петров?

— Э-ой... — издалека откудал-то отозвался невидимый Петров.

— Все живы?

— Живы...

— А пожарать у тебя нет?

— Нету!

Когда последняя бригада доставила материал, Чернов забрался на ступ и подлил духу. Внизу зашумели.

— Товарищи! — кригнула затихающий шум, прокричал Чернов, — ЦК комсомола выслал лозунг: «Комсомо — лицом к производству». Мы не на словах, а на деле осуществляем этот лозунг. Наш налет — первая ласточка, мы в праве гордиться этим налетом. С завтрашнего дня еще круче повернем к производству. Перед нашим заводом большая задача — ликвидировать прорыв, выполнить план производства. Комсомол должен выйти на передовые позиции в разрешении этой задачи. Штату необходимо благодарить за боевую работу. Материал налета вывешивать в специальном номере «Мотора». А теперь, товарищи, по домам. Штаб остается работать.

— Гвардию спеть! — разом выринуло несколько голосов, и тут же кто-то высоко и далеко вынул.

Вперед за настренчу,

Товарищи в борьбе.

Десятки голосов подхватили и синиан запевалу, растворили его в рожушечном шквале.

Штыками и картелью
Проложим путь себе.

Чтоб труд владыкой мира стал —
вплеска последние голоса и, зашумевшая, издала мощный поток, легко и свободно пронеси песнь дальше:

И всех в одну секунду сплав —

В бой, молодая гвардия!

Утром налет налетывал весь завод. Разукрашенные плакатами цехи выглядели по-новому празднично и особенно были своей новизной необыкновенные плакаты на станках. К плакатам, которые из года в год вешались на стенах и пролетая, уже привыкли, а новые остродавали каждого рабочего и мастера.

В токарной такие плакаты вешали чаще, чем в других цехах.

Впечатление от налета здесь было особенно сильное. Из рабочих никто не знал о налетчиках, но почему-то все решило, что это затея комсомольцев, и секретарю Алексею Бойкову с утра подошли с жалобами.

Первым подошел старик Колчачев, угрюмый и суровый, крепко недолюбливавший молодежь.

— Солнцыв! Молокосомы! В завком донесе, сунули дети! — кричал он язвительно и зло, угрожая Бойкову выскохнуть кулаком. — Сними плакат!

Алексей, затанова улыбку, с достоинством проговорил:

— Ты не кричи, Семан Петрович. Без дела плакат не будет висеть.

— Ты-и-и, говорю, плакат, сунули сын!

— Не буду я снимать! Почитай, теперь снимешь сам. Памятнее будет.

А я и говорю, сини! Сам сними! Своими руками. Сними, говорю! Колчачев вырвался и схватил Алексея за локоть буму, потянул к станку. Вокруг них собралась кучка рабочих и едкими штыками подзадоривала старика и Бойкова.

— Поянся, кавалерист!

— Хорошенько его, Петрович! Носом, носом утки!

Алексей понимал, что сини он сейчас плакат, весь авторитет «легкого кавалериста» разом пропадет. Твердо заявил:

— Не сини, Колчачев. Дурака не ваяй! Правильно плакат висит.

— А нет — снимешь! Своими руками снимешь! Ходи к станку.

Алексей вместе с группой рабочих подошел к станку Колчачева, станок был вычищен безукоризненно чисто, но внизу, у лодового винта, наметленно кричали божье в глаза слова плаката:

Когда ты меня увидишь?

— Смотри, солпавец! Смотри, сунули сын! Тридцать лет за станком, а меня увидишь. Да и так, молосомы! — Колчачев лодовую провел по станке, и на ладони заблестало чистое масло. — Смотри! Алексей чувствовал, что краснеет, и закусила губы. Ясно видел, что плакат висит не у места, и в голове лихорадочно забегали вопросы: «Кто повесил? Как могли ошибиться? Надо снимать. Ах, черт!».

— У тебя, Бойков, сразу такого станка не было, — наметленно проговорила курчавый Лобцов, вызывая у всех одобрительные улыбки.

Алексей медленню, стараясь казаться спокойным, снял плакат.

— Извини, Колчачев. Значит, ребята ошиблись, — винито проговорил он.

— Ага! Ошиблись... За эти ошибки...

— Веде ошиблись. Солли натирать не умеете, а дезде не в свое дело, — сурово подержал Колчачев хмурый Сургов.

Рабочие заволновались. Поспалбли оскорбительные намешки на Алексея и на комсомол. Колчачев грозился за это оттащить всех комсомольцев в завком.

— Да его Колька Хахаров со своего станка перевесил, — неожиданно закричал рыжий здоровяк Смолин. Протиснулся к Бойкову. Прочитал плакат. — Ну да... Он самий... Своими глазами видел.

— Правильно! Станок Хахарова и там повесил стужки, но не расхотился. А перед налетом работы токарь Сургов подошел к Алексею и передал длинный испанский лист.

— А почему не оставил?

— А, черт его... Просто так... Для смеху... — Смолин расплылся в луповатую улыбку. За ним весело смеялись все человек пять.

Алексей почувствовал, как рабочие перекончили на его сторону. Облегченно вздохнул. Изменившимся голосом проорнул:

— А за такие проделки все рабочие должны быть по рукам. Смеху здась мало.

— Правильно! Притянуть Хахарова.

— Осмотреть его станок!

— Подожди, Бойков, вместе обсудим.

Алексей, поблденней, но с виду спокойный, прошел к своему станку. Убрал свернутый плакат. Стал укреплять резец. Руки его дрожали.

Рабочие продолжали шуметь около станка Колчачева. Алексей, улыбаясь, следил за ними. Хотел подойти, но выдерживал себя. Рыбоня Провалов и станок Хахарова и там повесил стужки, но не расхотился. А перед налетом работы токарь Сургов подошел к Алексею и передал длинный испанский лист.

— Вот, товарищ Бойков, для комсомола. Копию мы передали в гитарку.

Алексей, волнуясь, прочитал: «Мы, рабочие токарного цеха, приветствуем хорошее начинание комсомола и протестуем против поступка рабочего Хахарова. Хахаров со своего станка перевесил стужки, но не расхотился. А перед налетом работы токарь Сургов подошел к Алексею и передал длинный испанский лист.»

Внизу стояло 40 подписей и среди них аккуртная подпись токаря Колчачева.

ПАМЯТНЫЙ ВЕЧЕР

Осень двадцатого года... Идут жестокие бои с Польшей и Брандеем. Все силы на фронте! Там напряжен! Слово и состояние двойного брожения. Разгоралась дискуссия с Дунаевским.

Перед самым съездом на 3-й пленуме ЦК создавался обстановка исключительной острой борьбы. Программа Дунаевского исходила из авангардистского противопоставления комсомола партии. Некоторые товарищи, не входя в сущность программы, считали, что «дунаевцы» являются более работоспособными, чем большинство ЦК. Поэтому многие признавали работу ЦК неудовлетворительной, чем не замедлила воспользоваться оппозиция. Сам Дунаевский рассказывал без ведома ЦК циркуляры, мобилируя ими сторонников.

Все эти дни — конец сентября — съезжавшиеся делегаты «прощупывали» друг друга. Я приехал на съезд из Нижнего ярма «дунаевцев», как и большинство Нижегородской организации. В первый же день мне захотелось встретиться с Дунаевским.

До открытия съезда оставалось два дня, но большинство делегатов были уже в Москве. Куда ни поведешь — в столовую или в общежитие, на улице — всюду споры, группы, обсуждения.

Не обходилось дело и без курьезов. Кормин нас неважно. Но по сравнению с девятнадцатым годом куда лучше! На этот раз многие делегаты привезли продукты с собой. Угощали друг друга, надеясь съезду «расстрелять», перетянуть на свою сторону. Григорьев — кричат ребята, — подкрепишься мясцом. Шамай! Долго ли вы будете тянуть волюнку?

В такой обстановке подошли мы к III съезду.

От всех других съездов комсомола III съезд отличался, между прочим, одной интересной особенностью: ни на одном съезде не было партийной фракции, к III съезду обстановка в союзе была настолько сложна, что ЦК ВКП(б) (тогда еще РКП(б) принужден был в целях руководства съездом созвать партийную фракцию.

Как сейчас помню: первого октября большой зал был отел «Метрополитен» (нынешний 2-й Дом советов) набит битком делегатами. Атмосфера накалена до чортиков. Тестовая. Споры.

— Ну, что? Кто выиграет?
— Как разрядить атмосферу?
— Зал гудит, словно улей.

Зал Преображенский (тогда секретарь ЦК РКП (б); открывший заседание фракции, дает понять, что ЦК на этот раз уже не думает «шутить». Вид у Преображенского «грозный». Встаешь, реплику — поведет глазами. Бесный ответ:

— Хотите увеличить список исключенных? Но где же виновник этого политического шума — Дунаевский? Виновник сидит в комнате 512, на самом последнем этаже «Метрополитен», под стеклянным куполом. Здесь — штаб оппозиции. Сознаться, дело прошлое, многие делегаты (в числе их и я) не раз бегали в комнату 512 и информировали Ду-

Иа блокнота участника III съезда РКСМ А. Григорьева

Рис. Б. Прокурова

наевского о ходе заседания.

... III съезд комсомола открылся 2 октября вечером в 6, в аудитории Свердловского университета — теперешнем зале кино «Малая Дмитровка». Памятный день. В этот день к комсомольцам пришел Ленин и произнес перед нами свою единственную речь о задачах союзов молодежи.



В этом доме (М. Дмитрова, 6) происходил III съезд РКСМ.

Еще утром на фракции мы узнали о предстоящем выступлении Владимира Ильича; днем об этом знали уже все делегаты. Для многих выступление Ленина было большим праздником.



Задолго до 6 вечера переполнились Свердловский. В коридорах, лестнич, шутки, смех. Бесконечные распросы:
— Когда приедет?
— Кто поехал за Ильичом?
И вдруг, как электрический ток, по залу: — Ленин.

Лазарь Шакин представляет Владимиру Ильичу слово для доклада о текущем моменте.
— Нет, о текущем моменте читать не буду... Надоело... Буду говорить о задачах союза молодежи...

Дождя Ильича джигас пятнадцать минут. Нам с первого же момента понравился тот серьезный тон, с каким обращался к нам — подросткам, юнцам — Владимиру Ильичу, любимейший вожьд мирового пролетариата. Ни тени высокомерия, столь частого у других ораторов, выступавших перед молодежью.

Пятидесятиминутная речь — и в ней охвачены все основы коммунистического воспитания молодежи.

Насегада врезались в память слова: — Именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества...

— Задача состоит в том, чтобы учиться... — Вы совершили бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием...

Только через некоторое время мы поняли глубокий смысл речи Ильича, речи, ставшей для нас драгоценным наследством и завещанием своему поколению.

Помнится, сижу ни жив, ни мерть, весь — внимание, весь — комок нервов, а с трибуны новый призыв:

— Коммунистический союз молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин...

Потом запяски, поднимая Ильичу. Аллодисметри. Пение «Интернационала». Владимир Ильич стоит уже в шубе... Горячее прощание с любимым вождем. В зале — движение. Широкие потоки мчатся комсомольцы в выходные двери. В последний раз мелькнула сияющая лоб — Ленин покидал съезд...

Прошло десять лет с того памятного вечера. Но до сих пор стоят в ушах пророческие слова, сказанные Лениным на III съезде:

— Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества...



ЗАПИСКИ ДЕЛЕГАТА

Заметки о III съезде РКСМ

В. Сорокин

1. ПИТЕРЦЫ ЕДУТ

Осенью 20-го года готовились к очередному съезду организации.

В районе шумно.

В комнате организатора заседает бюро.

— На съезд едут Аркадий и Всеволод.

— А еще кто?

— От нас хватит.

— Как хватят? Мало дали мест.

— Сходи в Пека¹, поладься, зовешь еще назначат.

— Пожалуй.

На Красной улице в темно-сером особняке толкучка.

Визу, в секретариате, толкаются ребята из районов и уездов.

Прохожу на бюро.

Утверждают список делегатов на съезд.

— Что Когина считать, — ой докладчик.

— Эка ты умин. А в Пека думаешь пальцем в носу ковыряют? Нет, ша! Хватит. И так совещательных и гостевых лишку тынеш с собой.

— ЦК будем крыть?

— Определенно.

— Ты еще с «теоретиками» придется схватиться.

— А что, украинцы в оппозиции ЦК или нет?

— Они там нависывали теорий всяких из пальца.

— Будет драка жаркая!

Сборы в отъезд недолги...

А вот нашим захвозам или «хозяйственной комиссии» — тем достается. Грузят хлеб, бочку с маслом и прочую снюдь. На цехи-ское довольствие надежда была слабая.

Поезд подал.

Идет погрузка.

Кто во что горазд — крики, смех, суматоха.

В вагоне уже поют.

— Татарям, не растеряй тезисы.

— Еще бы растерять! От Питера докладчик о социалистическом воспитании молодежи.

Тогда уже росла школа рабочей молодежи. Школа рабочей молодежи им. Тимирязева была прообразом школы ФЭУ. При губоно работала секция школ рабочей молодежи, которая была тесно связана с Пека РКСМ. На заводах крепили первые ученические бригады.

Об этом расскажет наш докладчик в Москве.

— Занимай полки паровоно!

— Эй, Митя, ты стики пишешь?

Митя Мазин, признанный поэт и предствитель «комсопрессы», отмалчивается. Он прищипывается к бочке с маслом.

— Мишь Албаневий, хлеба даешь!

— Нэ мэйшай, нэ дам, нэ получишь ничого, — гнусавит Миша Албаневий, колтер делегации.

¹ Пека — Петербургский комитет РКСМ.



ДИСПРОСТРОЙ. Платина лангю бегает.

Загудел паровоз. Лагуна большой состава буферами и медленно пошла вдоль перрона.

— Питер, прощай!

— Ребята, крепче там держитесь!

— Не подлядим!

Стучит колеса. А в вагоне — дружная песня. Громко поет наш Сама Александров.

Нарвная застава.

Путильковский завод.

И бодрая комсомольская песня несет в темные, убегающие назад поля. Питерцы едут.

2. НАКАНУНЕ

В Москве холодно.

В ЦК дают мандаты. Выдают литературу, тезисы.

Питерцы привезли «Юный Пролетарий». Журнал нарасхват.

— Лучше «Юного Коммуниста», — хвалят уральцы.

Идем в 3-й Дом советов.

— Сюда, сюда!

С треском хатимся по коридорам бывшей духовной семинарии. Каждая комната — малый штаб. Тут уральцы, здесь питерцы, там украинцы, дальше иваново-вознесенские ребята, туркестанские и т. д. и т. д.

Все виды одеяний 20-го года. Основная пролодежда — шинели и полушубки.

Не успели разместиться, началось хождение делегаций.

— Эй, крой к украинцам!

— А ты поцупай, как дела у смоленцев.





ДИПРОСТРОЙ. Коллегиив свдвдого аргвгоа.

Бюро делегации отдает распоряжение — разведать, выяснить обстановку, агитнуть. Заходят гости.

Успехом пользуются бочка с маслом. На Сану Безаменского, дружившего с литератами, маслом определено подействовать вдохновляюще.

Это он подлетит нам мыслью о значимости «Подзатыльников». Вспоминаю свой опыт в городе Елазуге, где мы издавали в летней колонии литературного актива газету «Юный Лоботряс». Тогда доставалось «руководству» колонии — Яше Цейтлану и Лене Файнмановичу.

Здесь — стихи Безаменского, карикатуры Бухарина и других «щелкоперов» (по выражению Петьки Смородина) нового комиссариата и III съезда.

«Подзатыльник» кроет ЦК, докладчиков и прочих участников съезда. «Подзатыльник» фиксирует массу «самокритического» материала.

В нашей делегации — крепкая спайка. Перед фракцией съезда решаем:

Отпор Дунаевиче, по рукам Гарберу казакскому, причислять украинцев. Мы против синдикализма, мы против махевщины, мы против «государствления» организации.

Мы за рабочую молодежь.

Мы за линию нашей партии.

3. СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ г. ЛЕНИНУ

Высокие своды особняка Свердловки, равные купеческого собрания, гудели от сотен возбужденных голосов.

Зал наполнялся.

В фойе шли жаркие споры.

Дунаевщина и гарбарщина были осуждены.

Процесс слух: будет выступать Ильич.

Настроение поднялось.

Появляются Шацкий, Рыбкин. Открывают съезд. Быстро утверждается президиум и порядок дня.

В президиуме — Лазарь Шацкий, наш Коган-Татаров, Рыбкин, Ёким Цейтлан, Гигит и др.

От ЦК партии Преображенский и Бухарин.

— Начинают!

Относительно смолаем, Шацкий открывает съезд неожиданными словами.

И вот... в президиуме виден человек, подошедшего к столу из-за кулис.

Это о нем сказал Шацкий:

— Слово предоставляется тов. Ленину.

Хлопают все дружно, громко. Зал гремит, все поднимается.

Ленин вышел вперед и ждет.

В голове мелькает: «Чорт возьми, я ведь его не узнал там, в темноте на сцене, когда он спрашивал, как пройти в президиум. Ведь это был Ильич!»

4. «УЧИТЬСЯ»

Это слово все время врывается в мозг. Некоторые из делегатов после речи так и говорили:

— Учиться! Что мы — школяники, что ли? И действительно, ведь трудно было в те часы, в те дни, когда гремели пушки на западном, когда делегаты съезда лучше всего обрадовались с винтовкой, трудно было всем сразу охватить всю глубину мысли, понять огромный смысл этого могучего призыва Ильича — к учебе.

И когда Ленин говорил о задачах борьбы, о защите рабоче-крестьянской республики, об электрификации, среди делегатов происходило движение.

«Электрификация», «хозяйственные вопросы, еловые луга и техника» — это все для нас были понятия не реальные, абстрактные, ибо никак это не укладывалось в рамки «сегодняшнего» дня. А о будущем, о котором вечерами мечтала у себя в райках, в кабаках, в отрядах, о будущем в этот момент думать было трудно.

Вот когда Ильич говорил о новой школе, мы торжественно смотрели в президиум: «Ага, дескать, Анатолий Васильевич¹, Поборемся за рабочую школу. Покрыем наш Наркомпрос и единую трудовую школу. Довоспелся со своей II ступенью!»

Мы тогда не переваривали II ступень. Игнорировали трудную, и слова Ленина о политехнике, о связи школы, учебы с трудом были для нас бесконечно дороги. Провожая Ильича, помнится, долго пережевывали его ответ на одну записку:

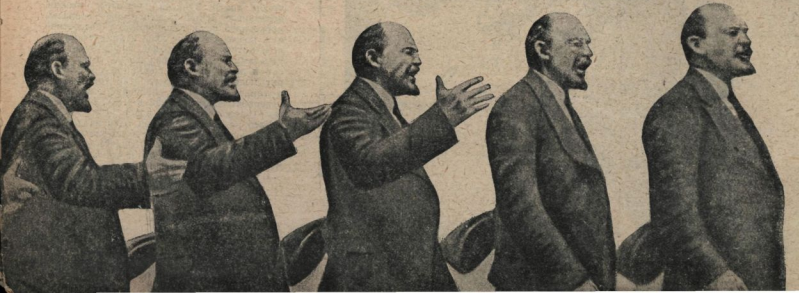
— Меня спрашивают: «Как дела на фронте?» Я могу сказать, что положение не плохое. Последние дни внесли перелом. Белые будут биты еще раз. Но нужно помнить, что это еще не конец...

Да, еще не конец!

Фронт переключился с запада на юг, с юга на север — к Кривомузду. Борьба продолжалась. Враг изменил тактику. Фронт переменялся. «Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы», так говорил Ильич.

И так было и есть сейчас.

¹ А. В. Луначарский.



17 МИЛЛИОНОВ

Очерк П. Лопатина

СУДЬБА ПЯТИЛЕТКИ РЕШАЕТСЯ...

Судьба пятилетки решается в доменных цехах советской металлургии. Потому что металл — это кобальт и гвоздь, токарный станок и резь, паровоз и турбина. Металл — это железный костяк страны. Чугун поставлен на первую страницу пятилетки. Ни одна цифра нашего плана так не беспокоит заграничку, как цифра 17.

Еще недавно у нас спорили: 7 млн 10⁷ тонн, может быть, только 6? Пожалуй, с изрядной можно согласиться на 7, но уж во всяком случае не на 10. Потому что 10 — это в 2½ раз больше царской России. 10 — это в три раза больше того, что имеет сегодня Союз. Короче: 10 — это утопия, фантазия, бред. Можно серьезно говорить только о цифре

7

А среди «своих» — неофициально, шепотком:

— Даже 7 тонн безусловно за гранью возможного...

Два два года тому назад говорили убежденные седланы специалисты и профессора о том, сколько миллионов тонн ослепительного блестящего чугуна смогут выплавить домы Союза к концу пятилетки.

Спор был разрешен постановлением V Всесоюзного Съезда Советов: в пятилетний план промышленности смело и решительно была внесена цифра

10

Прошло два года, и в этом первом споре о цифре многое стало ясным.

Прежде всего цифра 7 забыта и раз навсегда выброшена из пятилетки. Ее уже не найти в наших плановых заметках, и только предельная последние «дела» в большом здании ОГПМ на площади Дзержинского,

можно наткнуться на эту забытую цифру; ее защитником оказалась группа мажорных вредителей и тех, кто слепо и бездумно шел на поводу у вредителей.

Осталась цифра 10, но скоро вместе забытой семерки появилась новая, смелая и требовательная цифра

17

Ее выдвинула партия и класс. С трибуны XVI съезда уверенно и спокойно говорил Куйбышев:

— Буржуазные элементы, издеваясь над нами и называя наши планы фантазией, имели в виду прежде всего эту цифру 10 млн. тонн чугуна. Так вот, эта фантазия увеличена на 7 млн. тонн. Этот удвоенный до 17 млн. план вызовет еще большую ярость всего капиталистического мира... Добившись осуществления этой программы, мы, товарищи, станем первой страной в Европе по производству чугуна...

Семнадцать миллионов тонн чугуна сами в руки не припадут. Их можно взять только с бою.

ЧЬИ ДОМНЫ ДАДУТ МЕТАЛЛ?

До последнего года пятилетки вся тяжесть борьбы за металл ляжет на плечи стариков — уже существующих металлургических заводов Союза. Юг Украины, Северный Кавказ и Средний Урал — вот где разгорится бой за чугун. Домы заводов из Петровского, Дзержинского, Сталина, Ворошилова и старого Надеждинского завода — вот кто будет выковырять мощь социалистической индустрии.

В 1932 г. трудно будет узнать домные цеха этих заводов даже тем, кто знал их в 1927 г. Потому что, строго говоря, старое от этих цехов ничего не останется.

Вот короткая, но такая характерная выписка из плана «омоложения» металлургических заводов Юга:

Средняя суточная производительность домен теперешних заводов Югосталин — 231 тонна чугуна. В последний год пятилетки средний выпуск чугуна в сутки дойдет до 60 тонн. Скачок более чем на 200%. Вместимость маргеновской печи сейчас — 40 тонн.

Вместимость ее к концу пятилетки — 160 тонн. Рост ровню в 4 раза.

Этот стремительный рост трудно назвать омолождением. Действительно — что общего хотя бы между заводом им. Сталина в 1927 г., вырабатывающим 303 тонны тонн чугуна, и этим же заводом в 1932 г., выпускающим 1020 тонн? Как можно сравнить завод им. Ворошилова с его производительностью в 228 тонн тонн в 1927 г. с его новым выпуском 1080 тонн тонн в 1932 г.?

«Стариков» не омолодятся — они переродятся. От своего старого они оставят только место и слывное имя. Все же остальное будет таким убедительными и совершенными, какого не было в только Советской Союда, но слышь и рядом не знает Европа. Потому что 1 млн. тонн в год чугуна — это производительность величайших металлургических заводов земного шара.

На долю вот этих-то «переродившихся стариков» и выпадет всякая доля осуществления гигантской программы советской металлургии.

Последний год пятилетки будет годом, когда в помощь «старикам» своей полной мощью придут новые гиганты металлургии. 6½ млн. тонн чугуна — почти в 2 раза больше, чем давали все 39 заводов 1927 года — получит Союз от новых металлургических заводов — этих от начала до конца детищ пятилетки.

Новыми заводами вправе будет гордиться Союз: о некоторых из них американцы уже сейчас говорят, что их заводы ни за что не вытеснят, ни за что не вытеснят. Это — место и слава техников, замеса равных новым заводам пятилетки.

ХЛЕБ ИЗ ЧУГУНА

Первый из 6 — первый не по мощи своей, а по времени окончания строительных работ — Керченский металлургический имени т. Войкова. Он уже почти родился: две домы из трех уже вступили в работу.

Место его рождения — Крым, где еще вчера не было ни промышленного пролетариата, ни настоящей индустрии. Точнее, он родился в центре величайшего Керченского железорудного месторождения, в котором лежит 4 млрд. тонн руды — ¾ всех железных запасов Союза. И здесь, к слову сказать, до последнего времени не было ни одного даже плохонького завода, который мог бы считать себя опередившим Керченский по использованию этого громадного железного клада. Правда, в царское время два раза пытался иностранец соорудить здесь металлургическое предприятие, но два раза им приходилось отступить: бедные железные керченские руды требовали громадного размаха производства, чтобы дать дешевой и хорошей чугуна, и этот размах оказался под силу только социалистической пятилетке.

Сейчас на море и на низинный город Керчь — город французских вафель, фруктовых вод и лимонада — гордо смотрят трубы домен, бункера, угольные башни, воздушные ленты транспортера, переделы прокатного цеха, газокислородный, томасовский цех, новые коксовые печи и химический завод, который из отходов кокса будет давать аммиак, нефтальни, масла, сотни красок и лака. На горды, на поля соловейки мельница по переработке томас-шлака в томас-фосфатное удобрение, мельница, перерабатывающая шлак в муку, повышающую урожай на полях вдвое.

Хлеб из чугуна — такова одна из деталей этого первого из 6 гигантов пятилетки.

Но этого мало. Если сегодня Керченский металлургический еще берет уголь из Донбасса, то завтра он получит его из диких



В ПИТЕРИИ. Рис. И. Рабичева.

гор Абхазии — из нового, революцией открытого Тварчевского угольного месторождения. Вереница морских судов с углем пойдут из Абхазии в Керчь, чтобы здесь наполнить трюмы керченской рудой, вернуться обратно в Абхазию к новому металлургическому заводу в Тварчевлах, который будет питаться железной рудой Крыма и каменным углем родной Абхазии.

Так складется громадный металлургический комбинат «Керчь—Тварчевлах», «Крым—Абхазия», и подальше веткой в нем будут сотни километров Черного моря. Таков размах пятилетия.

Первая ячейка этого удивительного комбината готова: Керченский завод уже прочно встал там, где четыре года тому назад была пустынная степь и прекрасная охота на зайцев.

МАТЕРИНСКИЙ ЗАВОД «ГОРОДА ЗАВОДОВ»

Представьте себе: каждый день 1700 товарных вагонов катятся по железнодорожным путям Союза по направлению к городу Днепровских порогов, выростому около сверхмощной Днепровской электростанции.

Десятки вагонов идут из далекого Забайкалья, груженные редким вольфрамом, молибденом и платиновым шпатом. Сотни вагонов катятся с Урала в его сернистый концентрат и магнетитом. Магут и нефтяной кокс движутся с Грозненских нефтяных промыслов, а барий — из знойного Закавказья. Целыми составами отправляются к комбинату по железной дороге Славянска, известняк Белой Криницы, марганец Николая и алюминиевые бокситы Тихвина. И десятки маршрутных поездов идут железной руды Кривого Рога и каменной углы Донбасса.

800 тыс. товарных вагонов — 6 млн. тонн сырья — отправляют каждый год к Днепровскому комбинату. А навстречу им катятся почти 2 млн. тонн готовой продукции — металла, алюминий, цемент, удобрение, краски и высокопрочная сталь — бесчисленных заводов этого удивительного «города заводов». И во главе этого города Днепровских порогов встанет его «материнский завод», один из 6 — Запорожский металлургический.

К нему подойдут маршрутные поезда с рудой, углем и известняком. Уголь попадет в реторты коксового завода, а руда и известняк со специальными добавками — в доменные вагоны отгрузятся в бункера доменного цеха, чтобы отсюда на специальных вагонах-весах поехать к громадным металлургическим подтемянкам, стоящим у доменных печей завода.

Грохочут подъямики, ревут воздухоподогреватели, нагнетающие в каждую дому по 2 тыс. куб. метров горячего воздуха в минуту, горит кокс в доме, и каждая дома каждые сутки сдает по 300 тонн чугуна. Селепидей галта металлической жидкостью вылетает она в ковши вагонеток. За год вагонетки отвезут миллион тонн этой «чугунной жидкостки» в сталелитейное отделение завода, где мартеновские и электропечи — те же доменные печи в сталь, а прокатные станы вытнут проволочку и прокатают бляхи, рельсы и листы.

Запорожский металлургический не даром будет называться «материнским заводом». Жидкий чугун из его домен еще в расквашенном виде поедет в печь сырьевых завода — Днепросталь. Этим будет сэкономлено не один десяток тысяч киловатт часов энергии, которые пойдут бы на плавление чугуна в домен, если бы они явились на завод обычным путем — в виде твердого, уже остывшего металла.

Горы шлама — этого отброса доменного производства — превратятся в сырье для цементного завода.

Доменный газ явится единственным топливом для мартернов Днепростали, алюминий и цементного заводов. И, наконец, отходящие газы, до сих пор никому не нужные и бросающиеся, будут переработаны на химическом заводе и превратятся в 160 тыс. тонн удобрений, которые на советских полях дадут прирост в 480 тыс. тонн озимой пшеницы стоимостью в 25 млн. рублей.

Таков второй из 6.

УДАРНИКИ ЦЕХОВ—В ГОСПЛАН



Ударники Курочкин и Чобов, выдвинутые рабочими завода «Серв и Молот» в Госплан.

РАЗВЕРНЕМ ГОРЫ, ПРОЛОЖИМ КАНАЛЫ

На вершине уральской горы Благодать стоит чутунный мамонт. На нем выхота надпись:

«Вотуа Степан Чумини сожен здесь в 1730 году».

Страна история этого памятника. В те далекие времена, когда был еще жил Степан Чумини, пришедшие сюда русские не знали, что здесь, в недрах этой горы, лежат богатейший каад. И, действительно, как могли угадать пришедшие люди, что эти крутые, гранитные камни, из которых состоят поросшие сосною склоны Благодати, имеют 4½ млрд. тонн прекрасной железной руды?

Что не было известно пришлому люду, то хорошо знали местные жители — вотуны. Они понимали, что гора Благодать — громадное богатство. Но вотулы были суверенны: их жрецы приносили на горе жертвы, а потому не хотели пускать людей, которые изрыли бы землю и плавил ее. И решено было: пусть люду не достанутся эти богатства, чем давать их русским.

Но нашелся один человек среди туземцев — Степан Чумини. Он выдал начальство секрет этих громадных железных богатств. В награду за это он получил 4 р. 70 коп. серебром: на большее не расцедились уральские купцы.

Сородичи Степана поймали мамонника и казнили его: он был сожжен живым на вершине горы Благодать.

Так было в 1730 году. Через 200 лет внучки тех самых вотул, которые сожгли Степана, здесь у подножья Благодати создадут Нижне-Тагильский завод, прокатный цех которого даст в год одиннадцать обидим протяжением в 2 тыс. километров. Этот хвостик на дороге от Москвы до Свердловска.

А жалею, на том же Урале, вырастает четвертый из 6 — Бакальский завод. По последнему времени считали, что здесь, около Бакала, всего лишь 40 млн. тонн руды. Но незначительные поверхностные разведки 1928 г. обнаружили запасы, почти утроившие эту цифру. Изыскания же 1929 г. вдвое увеличили эту утроенную цифру. Так громадины все еще неразведанные, все еще таинственные запасы Бакала, которые дадут нам высокопрочный чугун для наших автомобильных и тракторных заводов.

Оба завода — Нижне-Тагильский и Бакальский — с дихой обеспечены рудой родного Урала. Уголь же для своей работы они получают с Кузбасса.

К концу пятилетия 8 млн. тонн угля даст Кузбасс Уралу. А это значит: сотни тысяч вагонов должны каждый год везти по си-

бирской магистрали свой черный груз на расстояние 2 тыс. км.

Чтобы облегчить эту громадную работу железнодорожного транспорта, сейчас в ВСНХ и НКПС идет обсуждение грандиозного проекта: соединение Кузбасса и Урала сплошным водным путем специально для повода угля уральским металлургическим заводом. Этот путь пройдет по рекам Топи, Оби, Тобоу, Тавде и Туре — по тому самому пути, по которому когда-то ходили самые повордцы в неизвестную таинственную Сибирь, в эту страну «экзотной самоды», за собаками и чернуровой лисой, за мягкой рухлядой.

Такие грандиозные проекты мирового значения принес с собой почти каждый из 6 новых металлургических заводов Союза.

В 5 РАЗ БЫСТРЕЕ ДНЕПРОСТРОЙ

Наконец последние два из 6 — Магнитогорский и Кузнецкий заводы, и этот Урал — Сибирский комбинат, величайшее металлургическое предприятие мира.

О нем нельзя писать, несколько строк — о нем надо писать, книги. Разве можно рассказывать в этих скупых строчках о работе комбината, производства которого с дихой покрывает производительность всех металлургических заводов Союза пачала пятилетия? Как можно показать в нескольких строках размах хотя бы Магнитогорского завода, один прокатный цех которого займет площадь в 1 кв. км, а весь завод каждую секунду будет выплавлять по 3 куб. метра воды — столько же, сколько потребляет весь Ленинград с его двухмиллионным населением и сотнями промышленных предприятий, среди которых есть такие гиганты, как Путиловский завод и «Красный Треугольник»? Как показать лицо комбината стоимостью в 1 миллиарда рублей и его удивительные темпы: ведь они в 5 раз превысят темпы Днепрострой, на котором хотя бы по той же кладке бетона мы поставили мировой рекорд, оставив позади Америку?

Урало-Кузнецкий комбинат бросает дерзкий вызов установившейся веками технической традиции. Ревизм уралу и Сибирь приоткрылись к прогрессивному в истории техники прыжку.

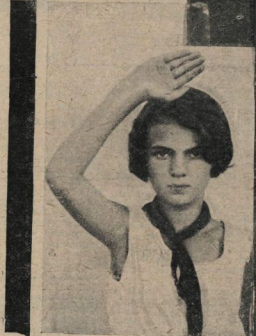
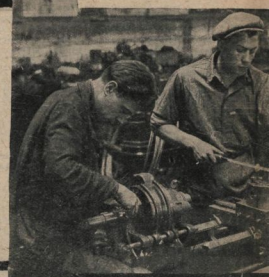
Там, где еще вчера подымали из берлога медведя и лежал веками неубирующийся валежник, строится невиданный в мире металлургический гигант.

Строится с срок, которого еще не знал мир, — в 30 месяцев.

Строится по размерам, которые не сильшь Европе — 3½ млн. тонн чугуна ежегодно.

Строится, чтобы жить так, как не живет еще ни один завод мира: беря уголь из Кузбасса, а руду с Магнитной горы, завод превратит в свою заводскую узкоколейку сибирскую магистраль длиной в 372 км.

... Старое разрушено. Оно представляет собой груз развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодой коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество. Перед нами задача строительства, и вы ее можете решить только овладев всем современным знанием, умев преобразить коммунизм из готовых научных формул в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы...

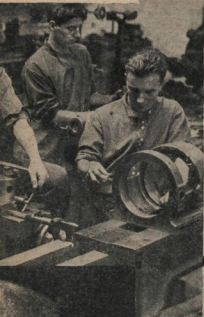


... Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунизм нельзя. Недостаточно того, чтобы советская власть приняла за партию дела определенной грамотности... Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело. Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, та юноши и девушки, которые состоят в союзе молодежи, сказала бы: это наше дело, мы объединяемся... чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных... Для примера возьмите работу на пригородных огородах. Разве это не дело Коммунистического союза молодежи? Нужно, чтобы более сознательные элементы взялись... и вы тогда увидите, что огороды увеличиваются, площадь их расширяется, результаты улучшаются. В этом деле Коммунистический союз молодежи должен принять активное участие.

... Задача союза молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартирном помеще в таком деле, как обеспечение чистоты или распределение пищи. Нет это делается в капиталистическом обществе? Конечно, работает только для себя, и никто не смотрит, есть ли тут старое или большое, или все хозяйство пало на лопатки женщинам, которая в силу этого находится в состоянии подавленном и пораженном. Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сватать: мы это переделаем...

... КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ИЗМЕНЯЕТ СВОИ ФОРМЫ. БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА НЕ МОГЛА ВЕРНУТЬСЯ СТАРЫМИ СПОСОБАМИ. ЧТОБЫ СОЕДИНИТЬСЯ С МАССАМИ И РЕАЛИЗОВАТЬ В ОДИН ВАРИАНТ БОРЬБУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ПОДЧИНЯТЬ ВСЕ ИНТЕРЕСЫ ЭТА...





... Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, под'ема всего молодого поколения. Вы должны быть верными строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка. Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи и строительству коммунизма вы коммунистического общества не пострите...



...Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только тогда возможен электрификацию всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия... только тогда вы... сможете построить... коммунистическое общество... Здесь недостаточно говорить, что такое электричество: надо знать, как технически применять его в промышленности, и в земледелии, и в отдельных отраслях промышленности и земледелия...

...Быть членами союза молодежи — значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот и этом состоит коммунистическое воспитание.

... Быть коммунистом — это значит организовать и объединить все возрастающее поколение, давать пример воспитания и объединения в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

... Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит...

должнается: она мы. это класс за то, чтобы не эксплуатировать раздробленную союз классов. наша задача — этой борьбе...



ЗА БАДАНОМ

Рассказ В. Майского

I

Много лет прожил старый Алай. Двух жен и дочь схоронил он в камнях у верховьев Баргузины. Не имел он ни стада, ни клочка земли — всю жизнь скитался по каменистым тропам забайкальской тайги, с ружьем в руках гонялся за пушными зверями. Алай знает тайгу, и тайга знает Алая. Только Алай постарел, волосы его пожелтели и торчат уцелевшими бурыми клочками, а тайга вечно молодая и шумная. Но сегодня Алай смущен: в тайге вдруг появились люди, сразу много людей.

Бурят ни на секунду не верит суровому товарищу Рупасову, что люди пришли собирать какие-то корешки. Алай твердо знает: много-много лет растет в Прибайкалье чигирь-трава¹, целые поляны цветут ее розовым цветом по равнине кассе. И вот ради этой травы гонят сюда сотни людей, строят бараки, шлюз пароходов... Тут что-то не так. Если бы хоть листья собирали — Алай поверил бы людям: он и сам пробовал делать из листьев чигири бурятский чай, — хехороши, горький, но все же чай; эти же люди листья вырывают и собирают только корни.

«Наверно, они ищут золото, роясь в нашей земле», — думает старый Алай и ухмыляется. Он-то знает, что в этой округе нет золота. Золото там, дажде, в глухой тайге, за Алтайским хребтом; там лежат страна, откуда оно приходит.

У людей, в лагере, горят костры. Какой-то немалый бурят-российский говор застрял в воздухе. В нестройной шуме визгивающими высокими нотами вырывается заунывная сумятица женского барака. Женщин много, и это приводит в неопределенную ярость начальника партии по сбору бадана тов. Рупасова.

«Ну и народ! — кричит он на молодого техника Васина. — Кого вы мне привезли? Да где у вас были глаза, когда вы набирали этот сброд?»

Круглый и подвижный немец-консултант по оборудованию экстракторного завода похотел Васина по плечу, приговаривая: — Никст карашо, никст карашо, молодой человек... Вы имете этих людей, этих Mädchen für alles², но где же рабочие?»

Васин смущенно улыбался и бормотал бессвязные слова в свое оправдание:

— Да право же, Евастрий Степанович, других не было. Я перерыл всю иркутскую биржу, и те рабочие, которых вы видите...

— Да покажите мне хоть одного рабочего! Где они, ваши рабочие? — возмущался Рупасов. — Набрал совбарихень, точно мы фосфорит танковете, а не в тайгу за баданом забрелись.

— Иркутский комсомол командировал нас на заготовку бадана, — вmeshался в разговор самый заметный из ребят, динный и выхристый Милпа Ивильных, и сейчас же начал крывать: — и мы видим, что здесь, ничего не подготовлено, никакой работы... — Бремени чертова мало, — хмуро и серьезно ответил Рупасов. — Мы пропустили бы все скормо, если бы сделали серьезную проработку этого вопроса. Вашей задачей будет развезти рабочим сыма работы, до сих пор мы дублили кожу привозными импортными экстрактами, вывозя за них золото. Лучшее умя страны давно уже ищут, чем можно заменить каебрао и другие импортные дубители. Применяют у нас ивовое и словое корье, используя громадный опыт немцев в этой области, — кинул он в сторону консултанта, — но когда натолкнулся на бадан, то убедился, что его корневые настолько богато дубильными веществами, что современно он вытеснит не только импортные дубители, но и отпадет необходимость губить иву и ель, слаяв с них кору. И теперь...

— Немед изумилно помириться на радионеструю группу, зашеву за планшеты. Увидел, как один из комсомольцев водит рукави по схеме процесса заводской перегонки бадана, он не выдержал, подлетел к группе и начал защищать свою установку, путая, по обыкновению, русские слова с немецкими.

II

Уже через неделю в тасковой гонимы начинал подниматься стена будущего экстракторного завода. Рабочая масса разбилась на мелкие партии и, пробиваясь сквозь бурелом, карабкаясь по камням, обходя болота и реки, собирала, закурывая корешки бадана в

1 Чигирь или бадан — многолетнее травянистое растение. Корневые его богато дубильными веществами и идут на выделку экстракта для дубления кож. Способен заменять импортные дубители.
2 Проститутки.



Рис. Дякена
Чена

большие мешки. Труден был не самый процесс вылавливания бадана из почвы и собирания в мешок оторванных корешков, — операция совсем несложная, — трудны были те мучительные километры, которые отмерял каждый рабочий от места очередной стоянки до зарослей бадана.

Тайга не знает путей. Еле заметная звериная тропа продиралась сквозь валежник, диний кустарник и уходит в болотистые низины. Острые угловатые камни преграждают верхние пути, заставляя кабаркаться, срываясь и расползая в кровь колени и царапая руки. Бежалки не только собирались, появляясь сюда под страхом свиньи с бирки, бежали люди покренче, в надежде найти более легкую работу; бежала и часть бурят, ошамоленная невнятным темными постройками экстракторного завода и плохо понимавшая немалышесвера. Пришлось отпустить Алая в Кара-Булгаса под предлогом похвощ новых зарослей бадана. Алай ушел одному עם ведомыми тропниками, а оставшиеся устремились вместе со всей массой беглецов к берегу.

Рупасов привоинил постройку завода и бросил Васина с комсомольцами и бурят бадана, а сам отступил к реке, взяв с собой консултанта и английский винчестер.

Путь вниз по реке был возможен только на пароход. Пароход, на который надеялись беглецы, должен был прийти со дня на день. Обрывистые берега чередовались с болотистыми низинами, давали невозможным всякое иное передвижение. Единственный путь преграждал Рупасов, имея толстая-немца в качестве подкрепления. Но как удержать сотни людей, охваченных одной мыслью уйти побольше от гнилых мест? Ведь не может быть и реки, о каком бы то ни было насилие, а тем более применения оружия. Последнее особенно возмущало консервативного немца, раздражающего тысячами ругательствами:

— Какой-то пурит, бросает работу... Надо стрелять, всех стрелять... Вызовить солдат и стрелять этих баранов!

Скудный технический словарь Рупасова не позволял последнему подробно объяснить расходиншемуся немцу разницу между советскими порядками и методами резниовой палачи, которые применялись на его отчизне.

Комсомольцы митинговали в глубине тайги; они сдерживали людскую лаву, не давая ей растекаться. Рупасов ругался и тоже митинговал перед десятками изнервившихся, уставших людей, преимущественно женщин, с разорданными рукави и чужаками касками вместо человеческих лиц.

Буряты держались особняком. Свод чигири казался им странным и подозрительным занятием; они влились в этом какую-то другую аель, более четко сформулированную Алаем — «золото».

Все убеждения Рупасова пропадали даром. Прибывали все новые лица, сообщали тревожные вести:

— Бадан пропал.

Рупасова не слушали, ему грозили, а толстый сердитый немец, пытаясь по-своему вмешаться в полуинтерный разговор, только поднимал масла в огонь. Рупасов прокивал себя в тысячу первый раз: зачем он не взял с собой радионестювник? Ведь она могла бы задепать пароход еще на пару дней и подвала бы настроен! Теперь же не было выхода...

Рупасов настолько измотался, что и сам стал видеть в прибытии парохода избавление от всех бед и несчастий. Раздажились костры... Струдились в тесные кучи, люди жалась к телу.

БЛИЗОК IX СЕЗД ВЛКСМ

НА СНИМКАХ: организаторы комсомольской коммуны по ремонту южной мартовенского неха Запада «Серр и Молог», в 2 раза ускорившей темпы работы; комсомольцы отравляют бригаду в холост;



III

В тайге тоже не все было благополучно. Рабочие партии проходили десятки километров. Но там, где на планшетах, обозначенных учебным лесоводом Сердитых, красовались гигантские заросли бадана, попадались лишь чалые кусты среди голяк камней. Ни одна из пройденных площадей не дала указанного количества тонн бадана. Валин ворничал и забегал вперед, выдвигая специальные разведочные партии:

— Мы должны найти бадан. Не может быть, чтобы учебный лес это выдумал... Иначе вся наша кожимромышленность останется без дубителей!

Но когда в одной из равнин выяснилось, что лес, показанный на планшете, горел два года назад вместе с баданом, Валин опустил голову. Экспедиция в расчете на этот массив начала постройку экстракционного завода, сотни людей бродят по тайге, собирая отдельные корешки, выносятся огромные ящики, и все это только потому, что тру-сердитых угодно было составлять планшеты, сила у себя в кабинете.

Но комсомольцы не унывали. Один только Мишка Ильиных потерял свою жизнеспособность Газза его провалились. Скулы, разорванные до крови, выперли вперед, только упрямым взором ничего не делалось — так же задорно и безобразно торчали они в одну сторону, вопреки всем его стараниям.

Мишка был большим энтузиастом и своим парнем. Только один грек знавал за ним ребята ботвореного цеха Иркутского механического завода — он хотел казаться красивым. Когда его никто не видел, он вытаскивал грешок и наугад рассыпал вихры.

Валин, зная об ребяте о Мишкиной слабости, пытался его успокоить, но Мишка неожиданно окрылся:

— Все вы, с вашим Рупасовым! Говорили вам: надо широко разложить значение работы. А теперь минигуль, когда вся масса сбегала!

— Но ведь и бадана-то нет. Те ничтожные количества, что мы собираем сейчас, никогда не оправдают расходов по сборке...

— Ерунда! — резко оборвал Мишка, — мы найдем бадан обязательно, не может быть, чтобы не найти... Мы ищем только по правому берегу, а левый совсем не исследовали. Нужно послать в горы за стариком Алаем, а пока немедленно же остановить беглецов...

И тут сразу его захлестнула гнетом и отгадой.

Бадан собирали варварскими методами. Рабочие вырывали кусты руками, — половина или треть корневища оставалась в земле. Руками же они обрывали дисту и бросали корешки в мешки. Комсомольцы требовали ножей и сапок, чтобы вырывать корневища целиком.

— Этот вопрос еще спорный, — возражал Валин. — Еще недавно думали, что остаток корневища восстанавливает растение через три года, но уже сейчас говорят о двенадцати и даже двадцатипятилетнем сроке восстановления...

— Не проще ли тогда добыть семена и засеять площади самим? Не быстрее ли это будет?

На этом ребята договорились, и в этот же день Мишка, осмотрев свои блестящие вороченной сталью браунинг, тронулся на помощь Рупасову.

В кармаше у него лежала резолюция:

«1) Широко разъяснить всем рабочим цели и задачи экспедиции, подвергнуть широкой самкритике всю работу; 2) переоборудовать часть изысканий на левый берег Селегит; 3) расчистить площадь егоровского леса и засеять ее баданом; 4) выкапывать бадан сапками, используя все корневища целиком».

Ребята проносили с угорами:

— Помни, важная на Рупасова что есть мочи. Ругай во-всю. Иначе останешься без бадана.

— Ладно, — просто ответил парень.

IV

Немчу пришла в голову блестящая мысль: вынести на одной из сосен над обрывом сигнальный флаг. Он уверял, что тогда наверняка паролход не пройдет мимо.

Рупасову удалось уговорить двух самых крепких из работников — Тяньку и Лизку — слыть этот флаг и пойти вместе с ним к обрыву. Выбрав одиночную сосну над обрывом, Рупасов взобрался на ее верхушку, оставив вчетвером Тяньку.

Измученный невероятной жарой и гнетом собственного многопудового тела немец-консултант, фамилия которого Шток (что означает по-немецки: трость) резко контрастировала с его наружностью, ухмылялся на пенек спиной к тайге, утывая горотом платком багрово-красную шею и опешелитую лысину.

Отчаянный воядь Лизку заставил его приподняться: прямо на него из тайги шел грузавик, неуловимыми шагами тажедой матерый медведь-шугун. Заросшая истеричанья волоками шерсть на

боку говоривало страшной ране, нанесенной охотником, поднимавшим его из берлоги.

Бежать было поздно и некуда — сзади сосна и обрыв. Немец упал на землю, решив притвориться мертвым.

Лизка, продолжая отчаянно выхватывать лапы на дерево, загородила дорогу Рупасову.

Тянька, крепко сжав в слабых руках винчестер, медленно пошла на зверя.

— Стреляю, — предупредила она немца. Герр Шток начал отчаянный поплак и забрыкала ногам, упершись в неминуемую гибель. Озадаченный медведь пошел еще медленнее и осторожнее, искоса винушительно поглядывая на женщину.

Тянька стреляла в городе в тираж. Но живой медведь не бумажная мишень! Пуля оцарапала самое чувствительное место животного — нос. Разъяренный медведь замотал головой и с ревом пошел прямо на Тяньку.

Выстрелив еще раз почти без прицела, она угодила ему в запястье, он продолжал двигаться на трех ногах. И когда оставалось несколько секунд, чтобы сделать решающий выстрел, Тянька не выдержала и бросилась бежать. Что-то горячее полетело вiski. У



нее подвернулась левая нога, и она ухнула в небольшую яму, больно ударились коленкой о винчестер. Раздался два выстрела подряд... Зверь рухнул тяжелой массой около ямы.

Из чащи вышел Мишка, засовавая браунинг в карман.

Собрали людей. Мишка потребовал слова. Его слушали со вниманием, тем более, что он зверски напал на Рупасова.

— Начальник экспедиции не удостоился объяснить вам как следует цели экспедиции и ничего не сделал для облегчения вашего труда, и только поэтому вы ушли с этой тяжелой работой... Многие из нас до сих пор уверены, что мы ищем золото, как говорил старый Алай. И он был прав... Не делайте такого злостного аида, товарищ Рупасов. Алай был прав, повторяю я. Сотни тысяч золотых рублей мы послали ежегодно за границу, чтобы заплатить за клебара и другие дубители для кожевенной промышленности, а если мы найдем бадан и добудем здесь, на построенном нами заводе экстракт, это золото останется в Стране Советов. Разве мы не ищем золото?..

Пробравшись на тайги комсомолец Гараска принес весть о находке Алаем громадных зарослей бадана на хребте Кара-Буяга. Гараску встретили радостными криками.

Богды наконец в беге подошел паролход, заинтересованный фантастическим сигналом на сосне, только ничтожная горсточка покинула берег.

А через несколько дней Рупасов отправил Алая на левый берег на поиски новых зарослей бадана; Валин с группой ушел на Кара-Буугатас; Тянька с женщинами раздвигала площадь сорванного леса, а тогастый немец суеверия внутри завода, на стенах которого уже легли стропила крыши. Сложное, аммисанское оборудование только привозило, но в маленькой лаборатории комсомольцы уже ставили первые опыты под руководством герра Штока.

В глубине тайги в маленьких козлах и пробирках рождался скромный советский бадан и готовился к встрече с мировым монополистом — вкребро.

комсомольцы у стелгазеты, посвященной переоборудованию бюро; комсомолец-инженер болтового цеха т. Бруштейн, руководительница провоза сектора комсомолец; комсомолец-формовщик обучает чернорабочего; комсомолец красносзнаменного лесоторгового цеха подает коллективное заявление в комсомол.



ПИСЬМО О НЕФТИ

Н. Б.

Ленька Лупландин работал в туапсинском порте на землечерпаке «Степан Халтурин». За два года морской службы Ленька привык к стону железных ржавых черпаков, выбирающих с глубокого дна истинный грунт.

На берегу он бывал редко и вообще оставался на набережной дого не мог. Всегда ткнуто снова на борт, к железному черпаку, к рудовой будке, в тесный, но уютный матросский кубрик.

Однажды под вечер Ленька очутился на нефтяном пирсе. Внутри покойных, продолженных вдоль каменной пристани труб бежал к горловине паровых насосов запах или бензин. Всегда равнодушно шагал Лупландин через трубы, испытывая иной раз чувство досады, как это бывает с людьми, куда они торопятся, ни преграды, ни путь. Но в этот морской летний вечер вдруг калефи заставило его простоять перед трубой целый час. В голове родились тысячи мыслей, вопросов. Та всякая черная жижа, что упорно и незримо текла по трубе и, выравнившись из оправы, гремящей радужной струей рвалась в томные трюмы швартованных судов, теперь представлялся ему в ином виде.

Лупландин и раньше любил морской запах свежего ветра, смешанный с пляжными запахами нефти и смолы. Он любил этот крепкий запах, но никогда не задумывался над тем, что же за штука это нефть, почему о ней так много говорят, почему и почему наконец «воюют» из-за нее.

Простой случай — знакомство со старым боцманом наливного судна — многое разрешил. После нескольких встреч с боцманом Лупландин захотелось больше узнать о нефти. Заручившись согласием команды, комсомолец перешел со «Степана Халтурина» на наливное судно «Грознефть» радужным матросом.

Время детского плаванья Лупландин отстоял вахту, отдыхал в кубрике, спал в красной уюлок, садился за длинный полярный стол и часами читал или писал и о нефтяной промышленности.

Вскоре такое чтение стало необходимо: Ленька сделался на судне «нефтяным рабкомом», как его в шутку прозвали товарищи.

Результатом чтения было то, что комсомолец однажды поздней ночью, несмотря на усталость, лежа в кубрике на качающейся койке, написал маленькую записку. А утром, по совету товарищей, когда «Грознефть» отвалила концы в одном из черноморских портов, закинул рукописи и бросил в почтовый ящик мезуэлюжий, самодельный конверт с надписью:

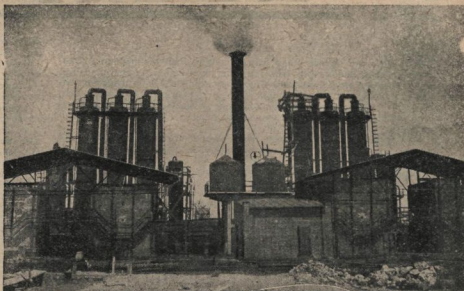
«Москва. Журнал «Смена».

В приколотовой к рукописи записке стояло: «Письмо с наливного судна «Грознефть» рабкома Лупландина.

Товарищ редактор!

Хочу я рассказать ребятам-комсомольцам знаете о чем? О нефти. Я сам вырос около нефти: жил и в Грозном и в Туапсе; на моих глазах были выстроены нефтеперерабатывающие заводы, а вот всегда раньше проходил мимо резервуаров, знал, что течет по трубам «черное золото», и думал про себя: «Течет и пусть течет». Теперь — другое дело... Я понял: нефть — могучий двигатель и источник энергии. Я понял, что нефтяная промышленность, как и до сих пор, остается в ряду самых передовых отраслей индустриализации: она должна с честью выполнять роль в плане великих работ.

Я написал насчет этого статью, которую бы читали и прочее население. Только прочтите, что неразбавлено у меня выходит. Бортовая качка. Нордост. А если где у меня нескладно написано, пожалуйста исправьте...

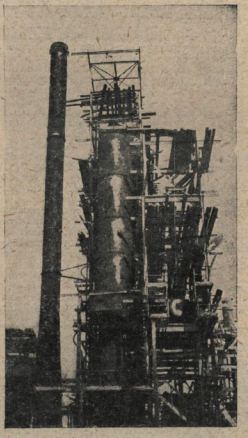


Советские трубчатые нефтеперерабатывающие заводы в Грозном.

«СОК ЗЕМЛИ»

Жил я в Туапсе, в этом пыльном городишке, когда еще не были выстроены огромные резервуары-нефехранилища. На асфесте теперешних труб, — а они на одном только туапсинском новом заводе протянулись на сотни километров, — в 27 году дожидало последние дни севеные Вельминовка. Тогда налетела «Грознефть», откудила домики, под гребенку несла Вельминовку. Тысячи грабачер копали землю, меняли русло худосочной речушки Туапсинки. Речушку Туапсинку справедливо прозвали тогда «каризиной женщины», и сильные лавовки количества воды в ней увеличивались в 50-60 раз. Она гнала своим разливом территории будущих заводов. Ее ловко закопали в бетонные ложы, выпрямили русло, и голынь части воздвигли бетонные могучие препедады.

Но строителям на этом не успокоились: они двинулись дальше зватьвать горы. Они сплутали в горах, где рос колочий хустанник, черепак и цикад; ой стоича острой кир-



Построена вакуумной трубчатой для добычи бензина из газа в Грозном.

кой крутые нагоном гористых склонов; он навалил груды камня, шеюя перуску с тем, чтобы в один прекрасный день всю эту массу расчистить, утрамбовать, залить гудроном.

Протинулись прямые, как стрелы, или выносившие спирально покатные, широкие дороги. Строители создали красивейший культурный рабочий поселок. Вокруг рабочих жилищ разбили клумбы и площадки. Грозненская нефть положительно знавала лицо города и края. И пока здесь, в Туапсе, устанавливали кубовые или трубчатые батареи для перегонки нефти в бензин, керосин, соляр, гигантской змеей из Грозного и Магдона поза сюда нефтепровод. Он шел то хомашей степью, то лесистыми горами, то вылезал из-под земли, то вновь зарывался в землю. Труба бежала навстречу морю, задиравась стрелой в высь на 520 метров у крутого Новошницкого перевала. Грозненскую или майковскую нефть, покрывшую по трубе путь в 600 километров, в Туапсе должны были переработать в бензин, керосин, мазут — так сейчас и делают; но недавно выстроенному нефтяному пирсу швартовались суда, и готовый переработанный продукт течет по трубе в паровозные трюмы.

Что представлял из себя грозненская нефть? — задавался я не раз вопросом. Она главным образом парафинистая. Ее достоинство: содержит 20% бензина, дорогого экспортного товара. Майковская нефть еще выгодней — в ней 35% бензина. Недостаток грозненской нефти в том, что она дает высокозастывающий мазут, который при 30°C уже не течет. Бакинская нефть содержит меньше бензина, зато она беспарафинистая и дает высокого качества смазочные масла. Впрочем, и грозненская и бакинская нефть имеют свои преимущества.

Нельзя, и день открытия перуску крякни, и поинд могутиоу силу нефть. На завод была проведена экскурсия. Я примкнул к группе комсомольцев.

Чорт возни! Сколькo раз проходила я мимо этих гигантских шпильчатых резервуаров, общей емкостью в 200 тыс. тонн; сколько раз шагал по этой жирной от нефти земле и не догадывался, что здесь, во хруг трубчатой, работают нефтяники, у которых есть свои радости и беда; что эти грозненские нефтяники атакуют третий год пятилетки, что вместо 165 тонн переработанной нефти в прошлом году в этом переработали лишь 300 тысяч; что вообще нефтяной промышленности суждено сыграть решающую роль в эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства!

Здесь я узнал, что нефтяная промышленность в качестве поставщика топлива для двигателя внутреннего сгорания должна рассматриваться как важнейший момент индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. На долю нефтяной промышленности выпадает исключительно ответственная роль, ибо без достаточного снабжения тракторным топливом и автомо-

бывшим горючим план тракторизации и автомобильнизации страны будет сорван.

Ленин мечтал о 100 тысячах тракторов, которые лучше всякого убедят крестьянина в преимуществах колхоза.

Рабочий парк тракторов в последний год пятилетия будет иметь 800 тыс. тракторов; к этому же году у нас будет свыше полмиллиона автомашин.

Как много же нам надо светлых продуктов, бензина и керосина, чтобы заставить двигаться эти машины! Как быстро должны мы развивать добычу нефти!

— Нам нужны такие темпы, — говорил наш экскурсовод, Антон Иванович Чехуцкий, управляющий заводом, — нужны такие темпы, каких наша нефтяная промышленность не знала даже на заре своего развития. За эти три оставшихся года добыча нефти по Союзу должна возрасти свыше, чем в три раза. Иными словами, мы можем и ориентироваться на 42 миллиона тонн как на цифру необходимой нефтедобычи в последний год пятилетия.

Эту цифру я хорошо запомнил. Я понял: трудности большие. В нефтеразведочном деле у нас еще очень мало опыта. Всем известно беспрерывное развитие американской нефтяной промышленности: там тысячи геологов работают на поисках нефтяных районов, причем стремятся сделать методы научной работы возможно более точными. Там давно отошли те времена, когда саважины закладывались по указанию какой-нибудь «волеющей палочки» или по случайным приметам. Там сложные и чувствительные приборы дают картину строения недр, там не нужно проникать долотом в эти недр.

Наш «армия» нефтяных геологов состоит из двадцати-тридцати человек, и все те научные-исследовательские силы, которыми мы располагаем, должны быть наиболее полно использованы. Разведочные работы стали

необходимостью. Наши старые нефтяные районы — Бакинские, Грозненские — исключительно богаты. С кавказскими месторождениями не могут сравниться никакие другие нефтяные районы земного шара. Но это не значит, что со временем мы не найдем еще один Апшерон или даже несколько районов, равных по богатству и величине Грозному.

Что в наших недрах есть нефть там, где ее никто не подозревает, показал случай с Чусовскими городками. Все читали об этом в газетах. Буровая скважина неожиданно обнаруживала нефть. Профессора говорят, что скважина эта имеет безусловное промышленное значение. Разведки выходят теперь далеко за пределы старых районов — Бакинско-Грозненского и Урало-Эмбинского. Можно думать, что такие районы, как Урал, северный Сахалин, уже сейчас препарируются в солидные очаги добычи; можно думать, что в результате намеченной прокладки нескольких сот тысяч метров разведочного бурения в ближайшие годы будут разведаны новые и ценные месторождения. Нужны только темпы, как говорил Чехуцкий, и новейшие научно-технические методы. Потребуется героизм, большая борьба, чтобы покончить с той кустарщиной и равнодушием, какими было окружено это дело еще недавно.

Поэтому сильное впечатление произвел на меня слова Чехуцкого, слова, относящиеся к работам крякинга. Чехуцкий стоял около нового крякинга, окруженный комсомольцами. Его лицо жирно блестело, как зашпаклеванная земля. Он волевался, неуклюже показывая рукой в сторону батарей, вытаращив сооба рот и объяснял:

— Вытострен крякинг, чтобы из мазута получать снова бензин. Но от крякирования получаются отходы, черные, вязкие — куда их деть? Из них-то мы и будем выработывать кокс для металлургии... Очень ценный сортосортный кокс, не содержит серы, прекраснейший продукт.

Последние слова Чехуцкий произнес, очевидно возмущен. Его возмущенность невольно передавалась нам.

В первый раз я (да вероятно и мои товарищи) остро ощутили результат таскочного труда, бессонных, нервных ночей, бесконечных споров, расчетов. Здесь был «пустырь», была веховая южная зелья, а теперь действительно громадные бани, в равные стороны разбегались трубы и гидронормальные дороги; навстречу нефти и за нефтью из разных стран плывут корабли под разнообразными флагами. А внутри кубовых батарей в цилиндрах подогревается паровая дистиллата и горючий мазуток холодной нефтью. Неизримо улетучивается более легкое вещество — бензин. Он охлаждается в оросительном холодильнике, заключенной оплетке-тави в трубы, и частый, крупный искусственный дождь лет на трубы... Так изо дня в день.

Дорогие товарищи! Я вспомнил о закуладой крестьянской лошадине и наших бескрайних полях. О тепере и бездорожье. О золотой валюте, которой нам платят иностранцы за нефть. Я вспомнил об автомобильных и тракторах, которые потребуют горючего. И, вспоминая обо всем этом, я понял: наш современный нефтяной рынок является мазуто-керосино-бензиномасляным.

Ничего в Майкопе открыты мощные пласты, забыли новые фонтаны; добыча нефти там с 500 тыс. тонн в 1928/29 г. увеличилась в третий год пятилетия до миллиона тонн. В связи с этим исключительным масштабом неизбежен и рост Таупса как экспортной базы.

В непрерывном бульканье нефти, в раскатных пароходных гудках, в шесте парусов грузинских магул, в стоне пловучих кранов и дребезге бетонферок рождается песня о борьбе людей за нефть, за «черное золото», которое движет по полям и дорогам стальные машины...



ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ.

Фото Н. Штерер.



Массовый митинг берлинских пролетариев, организованный коммунистами.

В НОЧЬ ПОД ШЕСТНАДЦАТЫЙ...

Вен. Шапиро

Утром вышел экстренный выпуск заводской газеты с обращением Центрального комитета партии. Газета кричала апаллагам: — Тревога! Железнодорожный цех вчера всадил нож в спину завода!

Это не было преувеличением. И без того работающие с перебоями доменные печи керченского металлургического завода на этот раз, в ночь под шестое сентября тридцатого года, были поставлены под угрозу останова. В буллерах нехватало руды, кокса, камня — лишь огненным жгулкам гиганта. Предатели рабочего класса — прогужьички и лодыри, не вышедшие на работу, сорвали нормальное снабжение домен.

Но нет! Домены не остановились! Усилиями рабочих на этот раз удалось предотвратить прорыв.

Это удалось сегодня... Ну, а завтра? Что будет завтра? Не остановится ли доменная завтра? Не случится ли завтра то, что поставит завод имени Войкова в шеренгу поворных, на черную доску?!

Послезавтра МОД, а на завтра, на шестое сентября, назначено общегородское комсомольское собрание.

Борьбе с прорывом был посвящен молодецкий митинг 6 сентября. Обращение Центрального комитета партии стержнем кратких речей и выступлений. Вместо торжественного собрания ребята дружно решили отправиться на завод ликвидировать прорыв. Быстро создали боевые ударные бригады имени XVI МОД. IX съезда ВЛКСМ и 3-го года пятилетия. К комсомольцам присоединились краснофлотцы с прибывшей утром канонерки. Десятник бригады говорит кратко, винушительно:



С боевыми лозунгами ИИМ'а вышла на демонстрацию в XVI МОД рабочая молодежь всех стран.

— Нужна помощь. Срочная. Неотложная. Немедленная. Нужны руки. Доменным надо загнать глотку.

Вот вам лопаты, вот руда, а вот вагонетки. Берите и нагружайте.

Взяли и принялись нагружать. Работали с азартом. Подходили рабочие из ночной смены, подсаивались. А один так и сказал: «Вот дурьяче. На холостой жгуток за после рабочего дня вдумали работать. Ну, и пригнало вас».

Другие подсаивались потому, что не верили в комсомольские силы, думали, что комсомольцы пришли не работать, а «лозунги кричать», — как выражались они. Но комсомольцы заставили их думать иначе.

Несмотря на то, что каждому завтра предстояла работа, никто не проработал меньше четырех часов, а все живущие на заводе и выходящие остались до утра; многие прямо перешли в цех, на смену.

Хотя все устали, никто не жаловался. Ведь это здорово: вместо торжественного собрания — работа на заводе, вместо слов — конкретная работа по ликвидации прорыва.

В эту ночь домены не остановились. Вогнано руды, камня и кокса успоковали и вагонками их. Непосредственная угроза была отведена. После работы — короткий митинг. Постановили: отправить телеграмму в Москву.

— Пусть знает Центральный комитет, как умело дерется комсомольцы за генеральную линию большевизма...

Керченский металлургический завод.



На смирных — молодые пролетарии Берлина, демонстрирующие под знаменами ИИМ'а.



КОНСТРУКТИВИСТЫ И МАЯКОВСКИЙ

Ан. Волок

Маяковский долго и упорно боролся с конструктивизмом. Борьба эта была не мелочной, а сугубо принципиальной характер.

Открыл действительный стих Маяковский, каждая строка которого насыщена глубоким поэтическим содержанием, несравненно ближе пролетарской поэзии, чем «эзические почища» (Сельвинский) конструктивистов, с начала конца прозаических деловских восприятий Октября.

Голый технизм, воспевание машины, взятая изолированно от классовой практики пролетариата— вот характерная черта поэзии конструктивизма, отражающей социально-политические тенденции мелкобуржуазной технической интеллигенции. Эти деловские мотивы ярко выражены в творчестве поэтов школы конструктивистов И. Сельвинского. В период развернутого наступления социализма во всему фронту, сопровождающегося обострением классовой борьбы в стране, нужно беззаветно работать над критикой деловские, антипролетарские позиции конструктивизма.

Задача разоблачения позиций конструктивизма движется главным образом тем, что его поэзия имеет значительное влияние на массы писательской молодежи. Учеба у конструктивистов может дать и уже дает только отрицательные результаты. Прав был Маяковский, когда говорил, что конструктивизм—«это самое вредное из всех течений в применении к учебе, какое можно себе представить».

Весьмаким попытке смалать реакционную сущность конструктивизма должен быть дан решительный отпор. Такой отпор со стороны рапповской общественности и «Комсомольской Правды» совершенно заслуженно получил А. Селиановский, который умудрился проглатать мелкобуржуазное нутро конструктивистов и увидеть в их творчестве лишь «напущенность содержанием, социально-философскую проблематику и плодотворные технические поиски» (на литературном посту, № 5—6, 1930 г., стр. 10).

Совершенно не случайно Маяковский в последний период своей жизни, сделав решительный поворот в сторону пролетарской идеологии, жестоко обрушился на конструктивизм. Критика Маяковским творческих позиций конструктивистов стоит на классовой пролетарской основе. Маяковский совершенно правильно увидел «коренную ошибку конструктивизма в том, «что он вместо индустриализма преподносит индустриализацию, что он берет технику вне классовой установки».

В борьбе Маяковского с конструктивизмом мы всецело на стороне Маяковского. Приближение конструктивистов и пролетариату возможно лишь через решительный их отход от деловских мелкобуржуазных установок. Конструктивисты должны целиком и полностью капитулировать перед пролетарским творчеством Маяковского последнего периода.

Между тем уже сейчас кое-что можно представить конструктивистов единственными наследниками Маяковского. Об этом нам под шумок напоминают и сами конструктивисты. В стихотворении, посвященном смерти Маяковского («Звезда», № 8, 1930 г.), Илья Сельвинский, приняв гонимую позу, восклицает, обращаясь к поэту:

Я принимаю твоё наследство,
Как принял Испанию французский король.

Мы должны со всей решительностью заявить, что конструктивисты ни в коем случае не являются наследниками Маяковского. Их творческая практика наглядно показывает, что никаким основанием для получения мандата на наследство Маяковского у них нет.

Мы будем приветствовать каждый шаг конструктивистов в сторону пролетарской идеологии, но великое революционное наследство Маяковского принадлежит только пролетарским писателям, пролетарскому писательскому молодичку, которое будет учиться у Маяковского, сделать поэзию мощным, действительным оружием в борьбе пролетариата с классовым врагом за полную победу социализма.

МАЯКОВСКИЙ В „СМЕНЕ“

Л. К—ов

В один из майских дней 1925 г., когда мы приглядывали на-глаз материал, пред назначенный для очередного номера, забывшая дверь редакционной комнаты распахнулась и, почти касаясь головой головы, в ней появилась характерная массивная фигура Владимира Владимировича. Он был в шляпе и опираясь на неизменную свою тяжелую трость. Маяковский мы все видели на снимках, на литературных вечерах и лекциях и поэтому сразу опознали его.

Но поэт не дал нашему смущению длиться. Он вышел и, осведомившись, кто редактор, деловито предложил рукопись. Мы взяли бы их с закрытыми глазами, но Владимир Владимирович предложил их прочесть вслух.

По-моему, как раз для вашего журнала, для молодежи, но все-таки поглядите. Стихи назывались «Красная зависть». В них говорилось о зависти к детям, которым предстоит жить в век расцвета авиации.

Я еще не знал и не слышал,
Все же рослый лезл с виду я.
В первый раз за жизнь мелькнул, как я,
Враблывающийся лазурью.
Пледа лишь — не труднее рваться,
Фигура его порок.
Важж труднее это в авиации
Расскажете тремок мое.

Густая медь его голоса заполняла нашу мизерную комнату до потолка, он читал, словно видя перед собой всю многотысячную аудиторию журнала.

Стихи пошли в очередной номер.

Владимир Владимирович проводил особенную заботу об оформлении страниц, на которой были помещены стихи. Он сам посоветовал нам обратиться к художнику Денисовскому, сам просмотрел уже приготовленные рисунки. Тогдашнее оформление журнала, представлявшее смесь французского и нижегородского, попытку подражать английским магазинам, развалилось о низкую технику, высказано резкое осуждение В. Маяковского. Особенно возмутила его обложка журнала, на которой была изображена лодка с компанией комсомольцев. Тут фигурировала балабайка, чуть ли не гармонь и т. д.

— Это же значит тянуть молодежь назад к меднасту,—говорила В. В.—А рисунок? Так может рисовать только неведомый! Разве бывают лодки такого рода. Вы считайте это реализмом, а на деле—простое неумение.

Зато заметив на столе рисунок одного «зависть» художников, Кулиринова, Маяковский его похвалил. Рисунок, изображавший матроса, так и остался не-



использованным; наши художественные вкусы оставались еще на уровне простого реализма.

В следующем стихотворении, написанном для «Смены»—«Вызовакните будущее»— В. Маяковский не преминул заклеймить «визг балабайчий».

Он писал в нем:

Коммунизм не только
У земли, у фабрик и в боту,
Он и дома за стенами,
В отношениях, в семье, в быту.

После этого стихотворения сотрудничество Маяковского в «Смене» оборвалось. Он отправился в одно из своих путешествий, а «Смена» не сумела тогда закрепить за собой интереснейшего со- трудника.

ОЛЬСТЕР и САН-ПАУЛЬ

Из дневника советской киноэкспедиции

Вл. Ерофеев¹

Берлин — «прилизанный» город. На окраинах так же, как и в центре, ровные широкие улицы, безукоризненно залитые асфальтом и аккуратно обсаженные рядами деревьев. Вежливость загнила во дворы, подвалы, на чердаки и старательно скрывается всеми.

Соседи другие в Гамбурге. Гамбург — это город контрастов, город ярко выраженных социальных противоречий. Вот почему так весело звертелась ручка киноаппарата, когда мы приехали в этот мировой порт.

Небо Гамбурга всегда серо. Дни парокховодов с утра наполняются многочисленными гаванями, катеров, неустanno сплывающих по Эльбе и каналу, фабрик и доков — закупывает город в серую пелену.

С колокольни св. Михаила виден весь город. В тумане с трудом можно различить только мощные железные конструкции доков. Оксидные парокховоды теряются в дымной мгле, нависшей над рекой, домами и улицами.

Порт — главный нерв города. Если перейти мосты, перекинутые через канал, мимо полоصات будочки с надписью «Гамбия», попадешь в «свободную гавань». Сюда ежедневно приходит десятки и сотни парокховодов со всего мира.

Угольная гавань, хлебная, фруктовая... Подвижные подъемные краны выстроились рядами. Неустanno бегут они от парокховодов к складам и обратно.

Ибо дни и дни выгружаются все новые и новые партии апельсинов, бананов, ананасов. Тут же, около каменной стены, навалены целые груды отбросов. И нередко можно заметить, как у этой помойки, старающейся быть незамеченной, трется жалкая фигура человека. Это — безработные грузчики.

Законом совсем не запрещено стучать голоду гильями, обломки и каждый доведенный нищетой до последнего предела, свободно может выбирать из кучи гильишье, что еще и какой-то степени может считаться съедобным. Но люди про-

¹ Автор очерков руководил съемками документальной фильмом «К свободной гавани», прошедшей в дниго с большим успехом на экранах Москвы и Ленинграда.



На складе фильма.

безработные
ноуут
в пор-
ту.

девливают это украдкой, с дрожащими руками, с глазами, беспokoпкой бегающими по сторонам.

У гавани «Гамбург-Америка-Линия» оживление сменяется тихим бездействием. На сходах, ступеньках амбаров-кучкики сидят грузчики. В ожидании парокховода закусывают хлебом, тянут из бутылок оставшее кофе.

Гудит сирена, и из тумана показывается мощный корпус «американца». Несколько лифтоутов-катеров тянут на буксире гигантского, сверкающего медью, красавца.

Сброшен канат. Вцепившись в него, напрыгав все силы, тридцать человек тянут лямку. Закручивают стальной трос на причальный столб, и парокховод подтягивается к пристани.

Быстро налаживают сходы. Открываются люки в черном зрелище гиганта и начинается бесконечное шествие пассажиров. Сначала, конечно, «вышнее общество» из «Luxuskabinen»,¹ запоздавшие за билет из Америки по пятьсот долларов.

Молодые, красивые и совсем одряхлевшие дамы с невероятными «мученичными» иуд по сходам. Поддерживаемые под руки матросами и прислужкой парокховода, они ковыляют на своих каблуках, как хромые, ежeminутно спотыкаясь и вскрикивая. За ними потечетнейшие американцы в светлых костюмах и в соломенных шляпах с довольными, упитанными лицами.

На корме тоже оживление. Здесь выгружаются... автомобили прибывших. Как маленькую ирришку, поднимает кран новенький лимузин и бросает с борта парокховода на пристань. У самой земли падение замедляется, и десяток рук работанно подхватывает блестящую лакированную машину. Через минуту спускается другая, третья... Рабочие тянут авто у сторону от парокховода, на специально отведенную площадку, где их уже ждут владельцы.

Кончатся шестие «люксосцев». Тотчас сбрасывается другая дюжина — для первого класса. Здесь все строго по денгам — кто больше заплатил за билет, тот имеет право раньше выйти на берег.

Мы снимаем выход пассажиров и разгрузку добрых три часа. Уже начинает темнеть, и рабочие, захватив свои пустые провизионные мешки, торопятся к выходу из гавани, — а пассажиры третьего класса все еще терпеливо ждут своей очереди ступить на долгожданную землю.

Американские лимузины мчатся к центру города. Иностранцы выезжают в отели, чтобы отдохнуть после «тяжелого» путешествия. Гамбургцы устремляются к родному Ольстеру.

¹ Каботы-люксы, оборудованные с исключительной роскошью.



Дни парокховода и заводов не достигнет Ольстера — этого голубого озера, со всех сторон обсаженного липами и тополями. Проточная чистая вода, наполняющая это озеро, расположенное посредине города, не похожа на зановоженную, покрытую питавицей нефть Эльбу. Сотни белых лебедей гордо плавают в его тихих заводях, иногда вылезая погреться на специально устроенные островки.

Вокруг озера тянется бесконечный ряд вилл. Это не улица, а как-то выставка богатства и роскоши. Большинство вилл бескусны, но цветы — море цветов — сглаживают все недостатки архитектуры, и Ольстер выглядит судно раем.

Мы снимаем Ольстер в воскресенье. Наш авто быстро мчится по празднично-безлюдным улицам. У въезда на «улицу вилл» в Ольстере шофер внезапно тормозит машину. Мы удивлены, но он обращает наше внимание на дочку, прибитую к столбу: «В воскресенье дни, до двух часов, проезд по этой улице для авто всех видов воспрещен».

Буржуазия наслаждается своим! Не смеете беспокоить ее до обеда. Таков смысл наивности.

Но мы не можем отложить съемку, аппараты тащат на руках слишком далеко, и я решаюсь нарушить «закон»:

— Езжайте дальше, — говорю шоферу, — в случае неприятностей отвечать буду я.

И вот мы шумно мчимся по пыльной автустраде, мимо закрытых шторам окон, затянутах шелковыми драпери веранд.

Снимаем недолго. Вдали показывается блестящая катка полицейского. Он приближается медленно, уверенный, что никто из нас не посмеет уехать от караванной «дежурной».

— Вы видели надпись? — обращается полицейский к шоферу.

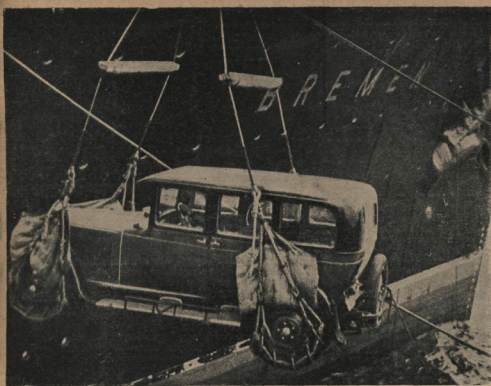
— Да. Но нам необходимо было проехать по этой улице. Мы...

— Мотивы нарушения для меня не интересны. Ваш номер? Вы будете опшофрованы. Езжайте!

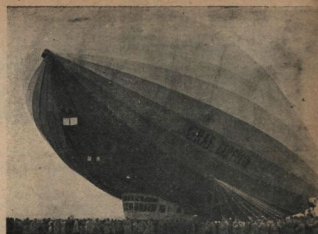
В том, что придется платить штраф, никто из нас не сомневается. Полиция здесь весьма пунктуальна, когда речь идет о защите прав собственности... хотя бы даже права на бесконечный полицейский сон.

Мы торопимся покинуть благодатный Ольстер и, проехав мимо десятка надписей с подчеркнутым словом «воспрещается», выезжаем на улицы, по которым можно ехать когда угодно, на улицы, где живут «воростые смертешы».

Недалеко, почти рядом с Ольстером, расположены трущобы Сан-Пауль. Демократическая власть и здесь постаралась внести «порядок». Теперь в Сан-Пауль уже



Выгружа
автомобиль
в Гамбургском
порту.



Дригаль «Граф Цепеллин» в Москве.

нет открытых публичных домов, а есть многочисленные ночные пивные и ресторанички, которые продолжают традиции славных демократических учреждений.

Рядом с улицей «Большой Свободы» сохраняется еще переулоч, в котором «торговля» происходит среди бела дня. Он для нас интереснее, чем «Большая Свобода», так как мы можем снимать только при дневном свете.

Заходим в дом, из окон которого должен быть виден весь переулоч. Стучимся в первую попавшуюся квартиру. Хозяйка любезно разрешает нам устроиться около окна для наблюдения. Скоро приходит и ее муж — рабочий крупного механического завода. Он весьма сочувственно относится к цели нашего посещения и рассказывает про свою жизнь.

— У меня дети. Не знаю, что с ними делать. На улицу выгнать боюсь, там целый день «торговля», ругань, драки. И вот за эту комнату в этом злоновом переулоч и плату 50 марок — четверть моего заработка. А перебраться не могу — ввиду еще дорожее.

Я смотрю в окно. Почти у каждого ворот стоит одетая в вызывающие яркие цвета женщина. Некоторые прокуряются по тротуару, другие заняты позицией а окна второго и третьего этажей. Эти устроились с наибольшим комфортом — спустили жалюзи, чтобы не пекло солнце, подложили под ноги пуховые ватные подушечки.

В переулоч не бывает случайных прохожих. Всякий, кто идет сюда, знает, чего он хочет. Поэтому женщины не перемоняют. Они смело хватают под руку злыхиных мужчин и тащат их к своим воротам. Некоторые сопротивляются, пытаются прежде рассмотреть женщину, другие коворно идут за первой встречной, чтобы за две марки получить свою долю любви.

Мы снимаем из окна несколько снимков автоматическим аппаратом. Но вот нас замечают женщины, стоящие на противоположном углу. Минуте — и по всему переулочу, как по беспроволочному телеграфу, пробегает слух: «Полиция нас фотографирует». Женщины быстро скрываются в полворотных и подъездах.

Мы вынуждены уходить, но, единственный выход ведет через переулоч. Под аяг и крики женщин и недумываемые угрозы выглядывающих из пивных мужичков, проходим мы по переулочу. В догонку летят ругательства и камни.

— Полицейские прихвостники!

— Собачьи свиньи!

Со впадком облегчения заворачиваем за угол «Улицы Свободы». И тут внезапно судба награждает нас за неучаду.

Почти рядом со злоновым переулочом проступают весело гремит духовой оркестр. Большая толпа обступила музыкантов, и мы с трудом протискиваемся сквозь нее.

Это — очередное собрание «Армии Спасения», пришедшей в Сан-Паулу «спасти» погибшие души. Рядовые «армейцы», вооруженные трубами, гитарами и библлиями, образуют круг, посредине которого остается место для оратора. Публика привлекается музыкой и удерживается на собрании ожиданием новых концертных номеров.

От брауерного марша армейцы переходят к мелодичной песне на гитарах. В середине круга входит молодая девушка в чепе-шляпе с надписью «Die Heilsarmee». Из-под шляпы вылезает туго стянутый узел кост. Тонким, дрожащим голосом, робко сложив руки и устремив глаза в небо, она поет какую-то божественную песню. Песня длинная, однообразная, нудная.

Для «оживления» слова гремит оркестр, а затем, когда музыка смолкает, в круг выходит оратор — офицер «Армии». Он еще не начал, а публика уже раскоченится. Завернутся окна ближайших домов, скрываются головы женщин, любящих бесплатно наслаждаться уличной музыкой, — все равно, шарманщиков или «Армии Спасения».

1 Советская Армия.



«Сестра во Христе» из «Армии Спасения».

— Братя, братя во Христе! — начинает оратор, театрально разводя руками. Армейцы снимают фуражки и склоняют головы.

Нам, конечно, не до проповеди, — мы снимаем. Хотя речь достаточно длинная, но нужно успеть «схватить» с разных точек много различных планов.

Среди армейцев есть несколько старух со злыми глазами, которые стараются уклониться от съемки. Но уйти куда-то у нас два автоматических аппарата.

— Все, все, кто обижен жизнью, приходите к нам! — взывает оратор.

Два десятка случайных прохожих слушают молча, рассматривая более молодых девушек в формах «Армии».

Темнеет. Мы уходим. По пути заглядываем в переулоч «Свободы» — там все, как было. Девушки опята на своих местах, и серые титы матросов порта скопляются вдоль стен мрачных, скудно освещенных «едомов» наслаждений.

МОБИЛИЗАЦИЯ СТИХА

Три дня—15, 16 и 17 сентября—работала в Москве областная сеть рабочих литружков, составленной «Смею» и «Комсомольской Правдой».

Оставание пролетарской литературы от темпов социалистической стройки, от тех задач, которые ставятся партией—несомненно. Рабочие литружки должны вырастить новых пролетарских писателей, непосредственно связанных с производством и активно участвующих в борьбе своего класса. Значение низовых кружков необычайно велико. Но дело в том, что теперешнее состояние литружков не дает возможности решить основную задачу создания новых писательских кадров. Вот почему московский областной сет рабочих литружков, поставивший своей целью активировать массовое пролетарское литературное движение, приобрел такое огромное политическое значение и вошел в историю движения как поворотный пункт. Трудно было предвидеть, что сет сумеет полностью решить поставленные задачи, сумеет собрать разпыленные и замкнутые в себе кружки, чтобы дать им большеинику зарядку.

Впервые так собирались кружки. Каждый в отдаленности что-то делал, выдумывал и строил по-своему, но никто об этом не знал. Не было притока свежего воздуха извне, кружки были изолированы от заводской общественности и многие кружковцы пользовались на заводах репутацией лодырей и бездельников.

Первые слова на слете были о прорывах, о мобилизации всех сил, всех творческих ресурсов для безусловного выполнения программ 2-го и 3-го годов пятилетки. Это определило характер всей дальнейшей работы.

Прения по докладу о задачах пролетарской литературы на новом этапе не были, однако, достаточно глубокими. В них было много путаницы, товарищами поднимались мелочные, непринципиальные вопросы. Причиной этому—недостаточная подготовленность кружков, недостаточное знакомство с творческими разногласиями; результаты—оплощение кружковских дискуссий политичанством, подменением значащую подлинный углубленный разбор спорных вопросов.

Слет в принятой резолюции единогласно высказался за литературно-политическую линию РАППа. Он отметил правильность руководства РАППа и обещал оказать поддержку в преодолении правых ошибок и в борьбе против демagogических наскоков левого блока, объединившего разношерстные литературно-политические и творческие элементы и перешедшего в литературно-политическую фракцию. Слет отметил плохую работу МАППа по руководству литружками и приветствовал инициативу «Смею» и «Комсомольской Правды» в деле активизации массового пролетарского литературного движения.

Гвоздем слета стала вопрос о перестройке кружков и творческих задачках. Тут были продемонстрированы все болезни общественной и творческой работы кружков. В кружках, которые стояли на отшибе от общественности, процветала «душная лирика», стихи о незнакомках, отрыв от класса позволялся на пьедестал—это были настоящие «пролетарские литературные салоны». В таких кружках, захлестнутых литературной, развивалось барство, генерацию нескольких выдвинувшихся «признанных поэтов», которые старательно не давали дороги рабочим ребятам. В таких кружках замкнутость рождала божемщину, голый «академизм» и притягивала подпольных работников в социальном отношении тивов.

Такие кружки выращивали бузотеров и бегунов по редакциям, «героев гонимора» и оторвавшихся от производства.

Классовый враг использует каждую цель, каждую лазейку, чтобы дать бой пролетарскому государству. И совершенно неудивительно, что в литружках, куда легче всего проникнуть, просочились чуждые элементы. И стояло на первых порах дотронуться до нескольких кружков, чтобы сразу обнаружить прыщи на теле пролетарского литературного движения. В Москве на фабрике «Ливерс» заврвала литружком явный контрреволюционер Сураевин, сумевший «обаять» весь кружок. Кружок знал всю шену сураевинщины, но молчал. И ভাল было вмешательство партийной ячейки, чтобы разоблачить сураевинщину. Но и после этого некоторые комсомольцы старательно защищали Сураевина. В Подольске в литружке «Мотор» обретался золочковский офицер, проповедовавший искусство вне политики. На заводе «Шарикоподшипник» на главе литружках стоял один из бывших заврвала реакционного «Союза поэтов» Николай Хориков.

И еще много подобных фактов всплыло на слете. Ясной стала необходимость тщательной чистки и коренной перестройки кружков литружков.

Но вместе с тем на слете были продемонстрированы образцы бошевской работы. Литружки «Комсомольской Правды» и при заводе «Дукс» ведут ударную действенную литработу по ликвидации прорывов. Их оружие—лозунг, частушка, эпиграмма.

Слет начал широкий общественный смотр работы литружков. Выявилось недостаточное внимание всей пролетарской общественности к литружкам. Смотр—это перестройка, это преодоление апатичности и пустозвонства в кружках, это мобилизация всей общественности на участие в разрешении задач пролетарского литературного движения.

Каждый литружок должен стать и стать большеинику ячейкой, ударной бригадой великой пятилетки!

Н. Боровой

МЕХЗАВОДУ ИМЕНИ...

Товарищи,
в великом плане
идеи мобилизации миром работ
рабочей воли
творящие пламя
сжигают в пепел
привычки рабов.
— § первый:
включи сотню (деталь 242)
прислалы вы нам—
хоть швыряй в подворотню!
70 штук не входят на вал!
Товарищи,
кому не слышен
призыв и вызов на вольный труд?
Волна составяныя
будь поднимается выше,
гудок сильнее
звонет поутру.
— § второй:
З. У. дождался
от нас хронштейнов 57.
Но кормысла
не входят на оси—
Кроштинены не сделаны все.
— § третий:
идеи отделаны дмры
в чулгуных гиедадах для узких станков
(№ детали—94).
Вот вам продукт каков!
Вот она
тухляя
рабья
работал

Друзья,
до каких это пор?
Темный кто-то,
вражий кто-то
над нашей стройкой
держит дозор.
Быть может, он
смеется ехидно:
«Авось, эдак прогорят скорей»...
Металлисты,
верим—вам больно и стыдно!
Примите привет от имени текстилей.

А. Кузьмин

Орехово-Зуев. рабочий литружок «Основа».

ПРОРЫВ

Ма вчера сплоченной массой
У себя наполнил прорыв,
Но я вижу—брат мой из Донбасса
Тусклой лампочкой зовет и говорит:

— Эй, братва, у нас пустою штерки,
Хрипло фабрики кричат—угаь!
Уголь ожидает человек,
Тракторов, комбайнов ждут по я.

И запыли шеломы тонко;
Дождь осенний врытен и зсл.
Мчитса под веселую гармонку
В штерки и в забон комсомол.

— Эй, товарищи, держитесь стойко!
Нам не выронить из рук кайло,
Мы не знаем слова «гяжедь»—
Будет уголь для великой стройки!

(чорту старой работишки песнь!
Тобь опять прорыв, как тынь, не встань,
Душишь каждый комсомолец. Поемши:
Лудь бордом за уголь и истань!

А. Шейндлин

Москва. Рабочий литружок «Штурм»

СТАНКИ

С семи до четырех станки
В каком-то бешеном заодре,
Стучат, учат
И тараторят,
Шумяча с силой челюки.
Мне хорошо, под звом и стук,
Легн привод,
Ровней шулукай.
Мне кажется,—
И я расту,
Свиваясь
С говорливим стуком.
Уток дятнугый—струна
Конечно,
Я еще не Пушкин,
Зато
На фабрике у нас
Я первый мастер на частушки.
Не сможет песня помешать
Она меня
От грусти лечит;
Батаи,
Какой же не спеша
В железэ кованые плечи...

В. Уваров

Москва. Рабочий литружок «Варганка».

БЕИ РАСХЛЯБАННОСТЬ НА ТРАНСПОРТЕ!



Монтаж И. ИРМЕНКОСКОГО

Фото И. МАРКОВА

... Нет необходимости распространяться о громадном значении транспорта для всего народного хозяйства. И не только для народного хозяйства. Как известно, транспорт имеет первостепенное значение и для обороны страны. И вот, несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, мешающее затормозить наши продвижения вперед. Не пора ли положить конец такому положению?

... Задача состоит в том, чтобы взяться, наконец, по-большинству за дело транспорта и довести его вперед.

СТАЛИН

НА СНИМКАХ СЛЕВА: Недавно на станции Перово Моск.-Каз. ж. д. в стрелке № 38 съез обндружен востыль, заложены вродителем; рабоче рассматривают орудие вродителства — востыль. В СЕРЕДИНЕ СВЕРХУ ВНИЗ: Лучший ударник автосварочного цеха деля Северных ж. д. комсомолец А. Ногки. Сокольнический район ВЛКСМ мобилизовал квалифированных комсомольцев на работу в ж. д. кастерские; на фото — мобилизованные комсомольцы на работе. Ударная комсомольская бригада Рязано-Уральской ж. д. за ремонтом паровоза. Тов. Семенов А., член бюро Сокольнического района ВЛКСМ, мобилизованный на транспорт; работает руководителем музсектора стационного комитета Сев. ж. д. СПРАВА — мобилизованные на транспорт комсомольцы-ударники.



ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ФИЗКУЛЬТУРА и ТУРИЗМ“

ВЫШЛИ

ИЗ ПЕЧАТИ и ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

Рихтер Зинаида — По солнечной Абхазии и Хевсуретии. 63 стр., 24 коп.
 Рихтер Зинаида — Азиатская Швейцария (по киргизским кочевьям).
 47 стр., 20 коп.

Путешествия по СССР (обзорник рекомендованных маршрутов). 240 стр. обильно
 иллюстрированного текста, 90 коп.

Погребенский М. — Практика туризма и путешественников. 25 стр., 130 рис.,
 1 руб. 10 коп.

Ипполитов Ш. — Спутник велосипедиста. 112 стр., 26 рис., 40 коп.

Воробьев В. и Семеновский В. — Путешествие в горы. 36 стр., 34 рис.,
 35 коп.

Кедров М. — Боевые задачи Красного спортивного Интернационала.
 55 стр., 15 коп.

Цейтлин Л. — Очки рабочего спорта в Америке. 63 стр., 22 коп.

Сташин П. — Физкультурные аттракционы. 88 стр., 15 рис., 22 коп.

Р. Тей Мак-Кензи — Физические упражнения как средство развития
 и воспитания. 223 стр., 104 рис., 1 руб. 60 коп.

Мюллер И. — Моя система для детей. 78 стр., 67 рис., 40 коп.

Мюллер И. — Моя система для женщин. 79 стр., 93 рис., 40 коп.

Мюллер И. — Моя система (15 минут ежедневной работы для здоровья).
 183 стр., 115 рис., 90 коп.

Вонзблеви Ш. и Шаманова М. — Легкая атлетика для женщин.
 143 стр., 95 коп.

Беседы по вопросам физкультуры. 166 стр., 60 коп.

Физкультурная Москва (справочник-путеводитель). 512 стр., 1 руб. 25 коп.

Вишневский А. и Соколов А. — Игры и развлечения в деревне. 80 стр.,
 101 рис., 30 коп.

Открытки (комплект из 23 экз. по всем видам спорта с табл.). 60 коп.

Первый пленум ВСФК при ЦИК СССР. 128 стр., 19 коп.

Антипов П. К. — Очередные задачи физкультурного движения. 32 стр.,
 6 коп.

Короновский В. — Гимнастика по радио. 77 стр., 16 рис., 15 коп.

Вобров Г. и Теодоронский С. — Спутник теннисиста. 80 стр. с рис., 35 коп.

Мареев А. — Как самому научиться плавать. 16 стр., 7 рис., 7 коп.

Вонзблеви Ю. и Черняк — Бег с препятствиями. 192 стр., 82 стр., 60 коп.
 Теодоронский С. А. — Пинг-понг (теннис на столе). 142 стр. с иллюстра-
 циями, 50 коп.

Роми М. Д. — Тренировка футбольных команд. 72 стр., 16 рис., 45 коп.

Равне Рене — Лыжи „нуртомва“ и пользование ими. Перевод с финского.
 144 стр., 48 рис., 70 коп.

Ховиков Ю. — Массовое фехтование. 35 стр., 15 коп.

Сгариков В. — Что такое физическая культура. 213 стр. с рис., 70 коп.

ВЫЙДУТ

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ и ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ

Форштрейтер — Четыреста физических упражнений.

Поддмиников — Новые спортивные игры.

Вашильев — Золотые разведки.

Роми М. Д. — Как играть в футбол.

Макаров — За полярный круг на лодке.

Вонзблеви Ю. — Легкая атлетика.

Саркизов-Серазини — Лечение солнцем.

Все виды спорта (плакаты).

Роми М. Д. — Как играть в волейбол и итальянскую ленту.

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ

на данные книги, а также на все книги по физкультуре, спорту, туризму, гигиене и вопросам здоровья направлять: Москва, 12, Ильинка, 15/23, издательство „Физкультура и Туризм“.

ЗАКАЗЫ ДО 1 РУБЛЯ

можно оплачивать почтовыми марками; до 6 рублей выполняются при получении почтовой суммой вперед; свыше 6 рублей выполняются при получении заказа в размере 25% стоимости, остальное — наложенным платежом.